

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1977

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА...

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

НЕЗАМЕНИМЫЕ ДЛЯ НАС СЛОВА

Дорогие товарищи, мне кажется, невозможно передать всю значимость, глубину и гуманность нашей Конституции, не прибегая к поэтическим образам. Она, как и наша жизнь, подобна многоцветной радуге. Люди моего поколения, ветераны войны и труда, переживают в эти дни волнение особенное. Я многое могу рассказать послевоенному поколению молодежи, живущему в мире, уверенному в будущем, счастливому, не знающему лишений. Ведь было время, когда добиться материального благополучия можно было только ценой тяжелого многолетнего труда. Мы все это испытали на себе. Я не ошибусь, если скажу, что от нынешней молодежи требуется только одно — трудолюбие. Расскажу о себе.

22 июня 1941 года, в воскресенье, я сжег все свои конспекты по математике, физике, литературе — тогда я готовился поступать в институт. До этого окончил электромеханический техникум. Работал, был женат, имел маленького сынишку. Но в тот день я понял, что моим главным испытанием будет защита Отечества. Я страстно хочу, чтобы вам, нынешним юношам и девушкам, такого не пришлось бы пережить. Ваше право на образование защищено кровью.

Уже после войны я закончил окончил энергетический институт. Я люблю литературу, много читаю и замечаю, как трудно сейчас прозаикам и драматургам изображать конфликты, например, между отцами и детьми. И это естественно для нашей действительности: ушли в прошлое страшные законы частной собственности, когда наследник у изголодавшегося умирающего «сидел и думал про себя, когда же черт возьмет тебя». А что могли оставить в наследство детям малоимущие классы? Нужду, нищету, бесправный труд.

Я хочу сказать, что теперь, в советское время, отношения между отцами и детьми — одна из примечательных черт нашего образа жизни, и пусть это не записано в строках Конституции, но является ее благом, ее светом. Прошу прощения, что приведу в подтверждение этим мыслям примеры из своей жизни. Я уже по возрасту пенсионер, но все еще работаю на заводе. Правда, мне пришлось несколько изменить профиль своей работы: был техническим администратором, а стал электромонтером по ремонту электрооборудования. И тут мне опять предстояло учиться, уже не теории, а практике: сверлить, например, на сверловочном станке, делать разметку на деталях, пользоваться листогибочным станком и так далее. Это не так просто, ведь практика моя была далекой, да и не было в наше время такой сложной техники. Я не могу вспомнить без благодарности, как тактично и заботливо помогала мне заводская молодежь. Правда, были среди них и «насмешники», например, наш электрик, щупленький парнишка, чем-то напоминающий Чебурашку. Так его прозвали, а он и не сердился. Иногда он подходил ко мне, щурил свои большие глаза и говорил:

— Погляди, дед, кто ж так лаяет, это же лешуха... Хочешь, покажу?

— Покажи.

Он брал из моих рук паяльник, и действительно, его пайка была мастерской, а моя напоминала детские караку-

ли. Помогали мне, деду, и другие ребята — Саша Ноздрачев, высокий красавец, пареня с замашками удалыца, и Алеша Петров — худощавый, черноглазый, прозванный «хозяином». На заводе работало немало пенсионеров, но были ли мы конкурентами молодежи? Нет, конечно. Мы были соратниками, друзьями, и никому из нас не приходила в голову мысль, что кто-то занял чужое место. Мне очень хотелось отблагодарить своих друзей чем-то таким, что бышло лично от меня, — я стал политинформатором в цехе. Высокое напряжение нашей жизни, ее наполненность трудом, борьбой за мир, событиями внутренней жизни и за рубежом — все это было необходимо мне теперь не только знать, но и быть готовым ответить на вопросы слушателей.

И вот в дни летнего солнечного половодья и радуг, буйства трав, созревания урожая происходит обсуждение проекта новой Конституции, подготовка к 60-летию Октября. Все это слилось в праздничное чувство. На одном из занятий я рассказывал слушателям о Гимне Советского Союза — о том, как много лет назад на кораблях, в матросских кубриках, в блиндажах мы выучивали слова гимна, и как созвучны нашим сердцам были слова: «Захватчиков подлых с дороги сметем». В теперешнем гимне нет таких слов — минули времена сражений, но защита Отечества была и есть почетный долг советских граждан, и об этом есть волнующие слова в

новой Конституции. Я говорил ребятам о том, как бессмертны, как незаменимы для нас слова гимна: «Славься, Отечество наше свободное», о том, что нет для советского человека более близких слов, чем эти.

Вот какие мысли владеют мной — рядовым гражданином великой Страны Советов. Не все я смог передать в этом письме, и это, наверно, невозможно, как невозможно описать многоцветную радугу нашей жизни.

Николай РОЗНАТОВСКИЙ

г. Курск.

ОБЫЧНАЯ СУДЬБА

Возможно, кое-кто из моих знакомых улыбнется, увидев такой заголовок, предпосланный этому письму в редакцию, и даже сочтет его за кокетство.

Действительно, внешние контуры моей биографии не совсем типичны — в 14 лет я стал студентом института, а в прошлом году, когда мне исполнилось 20 лет, успешно защитил диссертацию на тему «Некоторые вопросы конечной теории линейных и квазилинейных параболических уравнений вто-

рого порядка», стал кандидатом наук и преподавателем вуза.

Но не случайно я решил поделиться некоторыми мыслями со своими сверстниками именно сейчас, когда весь советский народ обсуждает проект новой Конституции СССР.

В 45-й статье Конституции, в которой говорится о праве граждан нашей страны на образование, в частности, сказано, что оно обеспечивается развитием системы профессиональной ориентации. Попробую проиллюстрировать это положение собственным примером.

В детстве я не думал, что стану математиком. Не думали этого и мои близкие. Рос я в семье совсем не «математической». Мой отец — геолог, мать — врач. Чем я только не увлекался в школьные годы! Музыка, изучение языков, театр, спорт, шахматы, кружок юных техников... Возможности познакомиться «во всем» мне, как и тысячам советских мальчишек и девочек, представляло общество. Сейчас понимаю, что без всего этого, входящего в понятие «профессиональная ориентация», вряд ли сумел бы я правильно ответить на извечный вопрос «кем быть?».

Решение пришло после успешного участия в нескольких математических

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

№ 155 (21490)

Суббота, 4 июня 1977 года

Орган Центрального Комитета КПСС

Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, представленный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на обсуждение и одобренный Президиумом Верховного Совета СССР

КОНСТИТУЦИЯ

(ОСНОВНОЙ ЗАКОН)

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер борьбе за победу коммунизма.

Статья 7. Профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие массовые организации в соответствии со своими уставными задачами участвуют в осуществлении государственной политики, в решении политических, экономических и социально-культурных вопросов.

Статья 8. Основным направлением развития политической системы общества является дальнейшее развитие демократического участия в управлении делами и государства, совершенствование государственного аппарата, расширение народного контроля за деятельностью государственных организаций, вселение народного контроля в правовую систему государственной и общественной жизни, повышение постоянного учета общественного мнения.

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья 9. Основу экономической системы СССР составляет социалистическая общественная собственность (государственная и общественная).

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

женно — моя подготовка не позволяет мне пока идти по маршрутам такой сложности. А озера Карелии ничуть не напоминают стремительный Черемош, но все края нашей Родины, которые посчастливилось мне увидеть, одинаково прекрасны, и я мечтаю побывать и в других местах, на других реках, и когда соберем мы деньги на дорогу, то обязательно побываем и в далеких от нас Саянах.

На зональных курсах туристов в Ленинграде я познакомилась с ребятами из Ярославля и Рязани и однажды, рассказывая о своей семье, вспомнила двоюродного брата Игоря.

— Валда, — спросил кто-то меня, — а разве у латышей есть имя Игорь?

И тогда я задумалась о том, что и побудило меня сейчас писать это письмо вам в редакцию «Смены». В газетах опубликован проект Конституции СССР, где говорится, что советские граждане различных национальностей и рас имеют равные права. «Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР».

Сближение всех наций... Это прямо про мою семью.

Дед со стороны отца — латыш. Бабушка — украинка. Дед со стороны матери — русский. Бабушка — немка. Что же касается моего брата Игоря, отец его украинец, а мать латышка.

Мы в семье да и вообще в республике об этом вспоминаем редко — никто не заглядывает в паспорт друга. Мы советские патриоты и интернационалисты с детства. Когда-то я ездила в пионерские лагеря, друзья мои, какой бы национальности они ни были, общались по-русски, потом я училась в Калининграде и жила в общежитии с Катей Колпаковой из Мурманска, мы очень

подружились, переписываемся и сейчас. Потом начала работать в «Узваре», вместе с латышами здесь трудятся русский, эстонец, белорус, немец, украинец. По реке Белой с нами, с латышами и русскими, плыла лодка из Литвы. Когда два года назад меня избрали депутатом Юрмалского горсовета, то мне, молодому депутату, помогали разобраться в новых моих обязанностях Эрнестина Язеповна Гринберг, ответственный секретарь горисполкома, и Людмила Петровна Лобачева, инструктор горисполкома. Одна из лучших моих подружек, Карина, замужем за Володей. Она латышка, работает в вычислительном центре Главснаб, он русский, электрик на заводе.

Новая историческая общность — советский народ. Мы, мои друзья, моя семья и есть эта историческая общность. И это закреплено в проекте новой Конституции СССР.

Предлагаю в статью 74, где говорится о том, что равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни, после слова «политической» добавить «общественной».

Валда ТУМШЕВИЦА,
секретарь комсомольской организации колхоза «Узвара»

Юрмала,
Латвийская ССР.

НЕТ ПРОФЕССИИ ЛУЧШЕ

Дорогая редакция! Я впервые пишу вам, но очень уж мне хотелось поделиться с вами тем, какая у меня замечательная профессия. Я водитель троллейбуса! Я даже не представляю, что есть профессии на свете лучше моей, для меня таких нет. Представьте себе, что вы едете рано утром, город спит,

встречаются только дворники и ночные такси. Едешь, а впереди светит утреннее солнышко, асфальт блестит от только что прошедшего дождика, кругом как-то все тихо-тихо, и не верится, что через какие-нибудь два-три часа город заживет своей торопливой, шумной жизнью. Это счастье — видеть то, что, мне кажется, видит не всякий, вернее, просто не обращает внимания, — например, на то, какие сказочные стоят зимой деревья под снегом или сверкают, обвешавшись сосульками. Конечно, я не забываю о пассажирах. Вы знаете, я их очень люблю, своих пассажиров, порой они бывают чем-то расстроены, недовольны, устали, и мне всегда хочется сделать им что-нибудь приятное, хотя бы самое простое — вовремя доставить их на работу. О своей профессии я могу писать сколько угодно, ведь недаром я о ней мечтала еще со школьной скамьи; много было споров, уговоров по этому поводу, но я знала, что не ошибусь в своем выборе. И сейчас, проработав уже три года, поняла, что верно сделала, не отступив от своего решения. А ведь меня убеждали, что это «неженская профессия». Мне кажется, что должна быть только любовь к своему делу, и сколько тогда радости и счастья даст оно человеку!

Так я осуществила, согласно закону Конституции, свое право на выбор профессии, в соответствии со своим званием, способностями и, разумеется, с учетом общественных потребностей.

Лариса ТИХОНОВА
Красноярск.

ЛЮБЛЮ СВОЙ ГОРОД!

Город-сад, город-курорт, город-труженик. Весной он встретит вас соловьиными трелями, белоснежным цветущих садов. Летом — ароматом спелых

черешен, земляники, клубники, белой акации и липы. Воздух чистый, скошенные луга пахнут мятой и медом. Осень одарит вас яблоками, грушами и сливами, помидорами и грибами. А зима наденет на сосны шапки соболиные. Здесь Николай Островский строил узкоколейку, здесь побывали Константин Паустовский, Леся Украинка, Максим Рыльский, Мария Заньковецкая.

Но больше всего люблю наш город за то, что живут в нем чудесные люди. Об одном таком человеке я и хочу рассказать — об Ане Овчаренко, молодой работнице завода «Искра». Можно сказать, что эта молодая женщина живет уже при коммунизме, ибо для нее труд стал первой жизненной необходимостью и наибольшей радостью.

Анна Семеновна Овчаренко — коммунист, член Киевского обкома КПСС, член завкома, наставник молодежи, член ордена Трудового Красного Знамени. Всегда веселая, очаровательная; рядом с ней нельзя работать кое-как. Продукцию она сдает с первого предъявления, потому что это ее рабочая совесть и честь. Все она делает весело, ловко, с удовольствием.

Если кто-нибудь пожалуется, что, мол, не хватает времени на общественную работу, она только улыбнется в ответ и скажет: идите в нашу комиссию, сразу время появится и веселья прибавится, ведь от молодежи идут заряды бодрости и энергии. Попробуйте свои силы, почувствуете, как интересно!

Это не только красивые слова, за ними — дело. Прошлогодней весной много времени и энергии потратила Аннушка, чтобы открыть пионерлагерь. И, представьте, добилась своего — чудесная пионерская здравница получилась. Многие женщины сказали спасибо Аннушке, а ребята как радовались! В выходные дни и вечерами после работы спешила Аннушка к пионеру. Вместе с рабочими своего цеха она организовала для ребят концерт художественной самодеятельности, проводила совместные вечера отдыха, прогулки в лес за земляникой и маслятами. Сидя у костра, молодые рабочие пели для ребят, и те тихонько подпевали им, а родители незаметно вытирали слезы радости, глядя на сияющую Аннушку.

Простая работница, а всего достигла: и славы, и счастья, и радости, и почета.

Только у нас в стране человек труда может стать богаче миллионера. Аннушка — гармонически развитая личность. Ее красота, изящество чудесно гармонируют с высокими нравственными качествами: добротой, сердечностью и трудолюбием, любовью и терпением к людям.

За строкой проекта

ГАРАНТИИ ПРАВ, БЕЗ КОТОРЫХ НЕТ СВОБОДЫ

«Какими темпами растет в СССР безработица? Звучит курьезно, но, как рассказывал мне заместитель председателя Госплана СССР Николай Лебединский, этот вопрос всерьез задал ему в Детройтском экономическом клубе (США), где собрались видные бизнесмены, менеджеры, эксперты... Пришлось напомнить, что СССР покончил с ней навсегда еще в 1930 году. Как раз перед тем, как на Западе она стала катастрофической в «великую депрессию» 30-х годов.

Мне тоже неловко повторять банальные истины, но, видимо, надо. Право на труд закреплено Конституцией СССР — и ныне действующей, принятой в 1936 году, и новой, которая будет принята после всенародного обсуждения ее проекта. Право на труд не просто провозглашено, но и обеспечено фактически. Социалистическое хозяйство развивается не только динамично,

но и стабильно, бескризисно, люди для него не могут быть «лишними». Так, десятая пятилетка, как и самая первая, совпавшая с кризисом 30-х годов на Западе, являет тот же контраст, уверенный рост на фоне затяжных спадов на Западе. Там почти 30 миллионов безработных и полубезработных. В СССР их нет уже 47 лет.

Право на труд — важнейшее из социальных прав, потому я с него и начал. Разумеется, не только оно, но и другие права, без которых немислима подлинная свобода, зафиксированы в проекте новой Конституции, где отражены преобразования, глубоко затронувшие общество. Выполняя задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным. Социализм, построенный у нас в основном еще 40 лет назад, стал развитым, зрелым. Изменений немало, но суть неизменна — все для человека, для трудящихся, для их всестороннего развития, и это соответствует коммунистическому идеалу: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности, подчеркивает проект новой Конституции, уже четвертой за 60 лет Советской власти.

Сохраняя преемственность, Конституция

вбирает все лучшее из опыта, накопленного за эти 60 лет, но и обогащает его новым содержанием. Так, углублены и расширены положения о социально-экономических правах, затрагивающих самые основы жизни (право на труд, на отдых, на охрану здоровья и другие).

Впервые зафиксировано право на жилище. И это опять-таки не декларация на бумаге. Мы знаем: трудности тут еще есть. Впрочем, они понятны. Навязанная гитлеровцами война обратила в руины и пепел свыше 1700 городов и поселков, 70 тысяч деревень. Крова лишились 25 миллионов человек. Но вот как велось жилищное строительство за послевоенные пятилетки: в 1946—1950 годах возведено около 201 миллиона метров общей полезной площади, в 1951—1955 годах — 241 миллион, в 1956—1960-м — 474, в 1961—1965-м — 491, в 1966—1970-м — 519, в 1971—1975-м — 545 миллионов. План на 1976—1980 годы — еще 550 миллионов.

Что за цифрами? Только за 1971—1975 годы 56 миллионов человек улучшили свои жилищные условия. Удалось перейти к распределению нового жилья по принципу: каждой семье — отдельную квартиру. Правда, еще не во всех, но уже более чем в 90 случаях из 100. И еще к вопросу о социальных завоеваниях. Квартирлата в СССР куда ниже, чем на Западе: в среднем — 3 процента доходов в семье рабочих.

Заметим, квартирлата в нашей стране остается неизменной с 1928 года.

Зарплата же, напротив, растет. Добавлю, она составляет лишь две трети наших доходов. Еще треть дают нам общественные фонды потребления (в виде пособий, пенсий, стипендий и других выплат, всевозможных льгот, бесплатных услуг и т. д.). Они тоже растут, притом ускоренно. Их доля в реальных доходах населения увеличилась с 15 процентов в 1940 году до 24 процентов в 1960-м и 30 процентов в 1975-м.

Недавно на Западе предложен перечень «социальных индикаторов», определяющих «качество жизни»: здоровье, образование и развитие личности, занятость, возможности пользоваться благами и услугами, физическая среда, включая степень ее загрязнения, состояние природных ресурсов, бытовые условия, избавление от скученности, личная безопасность, социальная справедливость, возможности участия в управлении и т. п.

Почему-то занятость стоит на третьем месте, а социальная справедливость — на седьмом, но сейчас речь о другом. За всем этим — проблемы, которые волнуют и нас. Ну, а гарантии их разрешимости? Думаю, в нашей Конституции они полнее, чем в любой буржуазной. О праве на труд я уже говорил (занятость). Обратимся к критерию, названному первым, — здоровью.

На нее нельзя рассердиться. Она никому не читает нотаций, личным примером показывает, как надо работать, как выполнять общественное поручение, чтобы наш завтрашний день стал краше, чем сегодняшний. Мне кажется, в ее судьбе, как в зеркале, отразился один из законов нашей Конституции: «Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе. Государство, сочетая материальные и моральные стимулы, способствует превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека».

Это из статьи 13-й. На мой взгляд, ее следовало бы дополнить положением о том, что наше государство поддерживает коммунистическое отношение к труду.

г. Боярка,
Киевская область.

Татьяна КРАВЧУК

ПАТЕНТ НА СОТРУДНИЧЕСТВО

Уважаемая редакция! Сотрудники нашего института, а работаю я во ВНИИ буровой техники, стояли у истоков развития турбинного бурения нефтяных скважин. В последние годы в нашем институте был разработан принципиально новый винтовой гидравлический забойный двигатель для проходки скважин. Его испытывали нефтяники Перми, Татарии и Азербайджана. Сейчас наш двигатель приобрел достаточно широкую популярность, его можно встретить в самых разных районах страны: и на севере, на Кольском полуострове, и на юге, на морских нефтепромыслах Каспия, и в Сибири, и в Забайкалье.

Наш двигатель, как нам кажется, лучше других зарекомендовал себя при капитальном ремонте нефтяных скважин. Последняя разработка института — малогабаритный двигатель Д-54 был представлен на выставке НТТМ-76, и там эта работа была отмечена дипломом, а два молодых конструктора, Валерий Семенов и Николай Мухомов, награждены дипломами ВДНХ.

Работы нашего института запатентованы в ГДР, Румынии, США, ФРГ, Франции. Турбобуры, созданные по чертежам ученых и инженеров ВНИИ буровой техники, отлично зарекомендовали себя в Польше, Канаде, Мексике.

Вместе с группой своих товарищей я был командирован во Францию. Мы

приехали туда по приглашению фирмы «Стабилия», которая занимается разработкой и производством резинотехнических статоров и подшипников для нефтепромышленного оборудования.

По общему впечатлению, работа оказалась полезной и той и другой стороне. И я еще раз убедился, как высок престиж советской технической мысли.

Пишу об этом в «Смену», прекрасно понимая, что наш институт — не исключение, что и другие научно-технические коллективы могут рассказать о разработанных ими патентах, промышленных образцах, проданных в самые разные страны. Тем самым научные работники, и в их числе молодые люди, совсем недавно окончившие институты, участвуют в международном техническом сотрудничестве, в повышении авторитета страны, в материализации разрядки.

Самые лучшие отношения установлены у нас с коллегами из стран социализма, в частности из Венгрии, Германской Демократической Республики, вместе с которыми сотрудники нашего института работают над созданием нового бурового оборудования и разработкой более совершенной технологии.

Говорю сейчас об этом и потому, что в проекте Конституции, в главе «Внешняя политика», в новом разделе нашего Основного Закона, прямо сказано о том, что отношения СССР с другими странами строятся на ряде основополагающих принципов, в числе которых и «сотрудничество между государствами». В проекте Конституции подчеркивается, что наша страна «активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда».

Наш сектор объемных двигателей, большую часть которого составляют комсомолы, в институте называют комсомольско-молодежным творческим объединением — недавние выпускники Московского института нефтехимической промышленности вносят свой вклад в упрочение экономического могущества Родины.

Предлагаю в статье 28-й раздела «Внешняя политика» окончание статьи дать в следующей редакции: «В СССР пропаганда войны запрещена» без ссылки на Закон, принятый в 1951 году. Тогда будет ясно, что пропаганда войны запрещается самой Конституцией СССР.

Дмитрий БАЛДЕНКО,
кандидат технических наук,
заведующий сектором ВНИИ
буровой техники

В СССР свыше 860 тысяч врачей (почти одна треть их числа на Земле, хотя население страны — менее одной шестнадцатой мирового). На каждые 10 тысяч жителей у нас приходится 33 врача (в ФРГ — 22, в США — 21, в Японии — 15). Медицинское обслуживание в СССР давно уже бесплатное. Граждане СССР имеют право на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, а также полной и частичной утраты трудоспособности, сказано в проекте.

А показатель, названный вторым? Известный Пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах декларирует право каждого на образование, включая обязательное и бесплатное начальное. Увы, на Земле 800 миллионов неграмотных, немало их и на Западе. СССР давно уже стал страной сплошной грамотности, а недавно ввел всеобщее среднее образование, бесплатное, разумеется.

В главе «Социальное развитие и культура» проекта новой Конституции подчеркивается забота государства о прогрессе образования, науки, искусства, об улучшении условий труда и быта. Конечно, делом государственной важности это было в СССР и раньше. Но прежде наши возможности были скромнее нынешних, не говоря уж о будущем.

В 1976—1990 годах материальные и финансовые ресурсы СССР станут вдвое

больше, чем в предыдущие 15 лет. Это позволит еще успешней решать задачи, связанные с повышением жизненного уровня народа.

К сожалению, потратив около 20 из 60 лет Советской власти на навязанные им войны и преодоление чудовищных разрушений после них, советские люди добились не всего, что намечали, о чем мечтали. Одна лишь вторая мировая война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов. Советский строй выстоял, хотя мощь агрессора слыла на Западе неодолимой. И всего за одну пятилетку экономика СССР достигла довоенного уровня (на Западе считали, что это займет десятилетия). Таковы жизненные силы социализма. Несмотря на все трудности, национальный доход увеличился за 60 лет в 65 раз, а реальные доходы на душу населения удваиваются каждые 15 лет. А теперь прикинем наши перспективы.

Вся история социалистического государства свидетельствует о его могуществе и процветании, направленном на наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Вот в конечном счете главная гарантия наших прав, что отражает проект новой Конституции СССР.

Лев БОБРОВ,
обозреватель АПН

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1205) АВГУСТ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
участница конного
агитационного
похода
Любовь
КАЛИНИНА.

Фото
Альберта ЛЕХМУСА

- 1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР.
Письма читателей из Владимира, Красноярска, Курска, Москвы, Вологодской и Киевской областей, Азербайджанской и Латвийской ССР.
- 4 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.
Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 7 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
«ИЖОРА». Фотоочерк Евгения КУТУЗОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 11 ФЕСТИВАЛЬ ПОЗМЫ.
Михаил СМОРОДИНОВ. «РАЗБУЖЕННОЕ НЕБО».
- 12 «ЭСКАДРОН УХОДИТ В ИСТОРИЮ».
Репортаж Владислава ЯНЕЛИСА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 14 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Аяна НЫСАНАЛИНА.
- 15 Стихи Овидия ЛЮБОВИКОВА
и Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО.
- 18 Рассказ Надежды КОЖЕВНИКОВОЙ «СЛЕД НА СНЕГУ».
- 20 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«НЕМАНСКАЯ НИТЬ».
- 22 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Элла ЩЕРБАНЕНКО. «ПОД КОЛЕСАМИ МНЕНИЙ».
- 24 АВТОБИОГРАФИИ.
Народный артист СССР Николай ПЛОТНИКОВ. «ПОЛЕТ НА КОВРЕ-САМОЛЕТЕ».
- 27 Стихи Михаила НАЙДИЧА.
- 28 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Фантастическая повесть Клиффорда САЙМАКА «СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САУШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТАБРЬ

ЛЕНИН. ОКТАБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА
Часть шестая

Год 1920-й

10 июня Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об откомандировании студентов высших технических заведений для летней практики.

15 июня Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об организации снабжения детей продуктами питания.

18 июня Владимир Ильич подписывает свою книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» двадцатитрехлетнему сыну А. М. Горького: «Дорогому Максиму Алексеевичу Пешкову от автора».

23 июня Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона об ускоренном выпуске ветеринарных врачей, обязывающее ветеринарные институты вести усиленные занятия в течение лета, с тем чтобы не позднее 1 января 1921 года выпустить ветеринарных врачей с четвертого курса и не позднее 1 апреля 1921 года — с третьего курса.

26 июня Владимир Ильич подписывает документ, обращенный к сибирским советским учреждениям: «Прошу оказывать всякое содействие подателю, товарищу **Путинцеву** Илье Даниловичу, для организации детского сада и других подобных предприятий в его местности, Семипалатинской губернии, Павлодарском уезде».

Историю возникновения этой записки рассказал в своих воспоминаниях А. В. Шотман, присутствовавший при беседе В. И. Ленина с казаком-коммунистом И. Д. Путинцевым.

«При прощании тов. Путинцев обращается к Владимиру Ильичу:

— Любезный деятель, разреши нам поставить в станице Урморунской тебе при жизни памятник.

Владимир Ильич, улыбаясь, стал его отговаривать от этого.

— Ну, тогда разреши нам в станице устроить детский сад и назвать твоим именем.

— Ну, это дело хорошее, — сказал Владимир Ильич.

— Вот только красок, гвоздей, досок для решетки будет трудно достать — все национализировано, — сокрушенно говорит старик.

— Ну, это, я думаю, не трудно будет устроить, попросите, вот, Шотмана, ведь он там председатель совнархоза, — отвечает Владимир Ильич.

— А ты, любезный деятель, напиши ему записку, чтобы дал, — предложил с хитрой улыбкой старик.

Ленин, смеясь, берет свой бланк и пишет...

29 июня Владимир Ильич посылает телеграмму Азербайджанскому Совнархозу: «По полученным Компродом сведениям имеются в вашем распоряжении шесть тысяч пудов паюсной черной икры, предназначенной вами к вывозу за границу в порядке самостоятельного товарообмена. Считаю необходимым обратить ваше внимание на нежелательность с общегосударственной точки зрения вашего не согласованного с нами выступления по вопросу товарообмена. В случае действительного излишка в количестве шести тысяч пудов паюсной икры просим направить таковую в **Москву** в адрес **Наркомпрода** для распределения среди детей и больных пролетариев голодающих центров. О последующем телеграфируйте в **Компрод-распределение**».

Сохранилась записка секретаря Владимиру Ильичу: «В приемной ждут двое товарищей, привезших из Азербайджана, с мандатом от Нариманова, в Ваше распоряжение 6 вагонов икры. Ждут Ваших распоряжений». Владимир Ильич

на этой же записке помечает: «В **Компрод** для детей».

15 июля 1920 года Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о разработке Народным Комиссариатом просвещения плана снабжения детей предметами первой необходимости.

19 июля Владимир Ильич последний раз в своей жизни приезжает в Петроград для участия в работе II конгресса Коминтерна. Среди встречавших его на Московском вокзале были и представители петроградских комсомольцев. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях один из них, в то время являвшийся сотрудником журнала «Юный пролетарий», А. Дорохов: «К нам, группе комсомольцев, подошел Яков Петерс, бывший заместитель председателя ВЧК, недавно назначенный начальником Петроградского укрепрайона:

— Идите-ка сюда, за мной.

Не скрою, что было донельзя обидно уходить с праздничного перрона в такой момент. Но дисциплина в те годы была железной... Вместе с еще несколькими военными и штатскими мы быстро прошли на отдаленную платформу, где немногие встречающие поджидали очередной почтовый поезд из Москвы.

...Потом, позднее, я узнал, что ВЧК получила сигналы, что белогвардейские террористы готовят в Петрограде покушение на Ленина. Чтобы не подвергать Владимира Ильича лишней опасности, решено было сделать его проезд в Петроград по возможности незаметным».

19 июля Владимир Ильич подписывает декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности. Декретом определялось, что в состав постоянного совещания при комиссии входит представитель и от ЦК РКСМ.

Между 19 июля — 7 августа вместе с другими участниками II конгресса Коминтерна разделяет общее впечатление от общения с Владимиром Ильичем Лениным и представительница лейбористской молодежной лиги Англии Марджори Ёуболд. «Любимый мужчинами, женщинами и большинством детей, — записала представительница английской молодежи, — он обязательно приведет Красную Россию к победе». Об отеческой привязанности В. И. Ленина к детям читаем и в воспоминаниях члена Британской социалистической партии Зельды Каган-Коутс: «С особенной любовью он относился к детям. Даже самые застенчивые из них чувствовали себя с ним спокойно и уверенно. Играя с ними, он отдавался игре с не меньшим энтузиазмом и энергией, чем сами дети... Вид оборванного, голодного ребенка причинял ему почти физическую боль и вызывал гнев...»

29 июля Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об учебной профессионально-технической повинности, которым определялось, что на предприятиях, где не организованы фабрично-заводские школы для подростков и учеников, учебная повинность распространяется на лиц с 14-летнего возраста. Для подростков до 18 лет ежедневное число часов занятий на курсах, говорилось в декрете, не должно быть меньше 4 с сокращением для них рабочего времени до 4 часов.

В июле Владимир Ильич беседует с делегаткой Псковской губернии на Всероссийский съезд по борьбе с детской беспризорностью Софьей Нодеевой. Она рассказывает, как еще зимой 1918 года псковские товарищи обратились к архимандриту Ивановского монастыря с просьбой самому показать пример «христианской любви к ближнему» и разрешить в монастырских «святых покаях» разместить изголодавшихся малышей, оставшихся без родителей.

Детская коммуна юных огородников была создана в архимандритских палатах, но сам он, как только в город вновь ворвались белогвардейские каратели из банды Булак-Балаховича, выдает им на расправу воспитателей и педагогов.

— Христиане! — саркастически заметил В. И. Ленин, узнав о ханжеском лицемерии этого служителя церкви.

11 августа Владимир Ильич в дополнение к постановлению от 23 июля подписывает постановление Совета Труда и Оборона о снабжении продовольствием мобилизованных студентов-медиков и медичек.

Летом Владимир Ильич беседует с детьми из окрестных деревень села Горки. «Помню, — рассказывает К. И. Пискунова-Алексеева, — на одной из прогулок в парке я сидела с Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем. Откуда ни возьмись ребята разного возраста. Примерно от 8 до 12 лет. Надежда Константиновна подозвала их, усадила. Владимир Ильич расспрашивал, откуда они, из какой деревни, посмотрел, кто сколько ягод набрал, похвалил, спросил, не заблудятся ли, найдут ли дорогу к дому. Оба приглашали детей еще раз прийти. Дети доставляли ему большую радость, он по-настоящему любил их».

8 сентября Владимир Ильич беседует в Кремле с секретарем Исполкома КИМа В. Мюнценбергом о перспективах развития международного коммунистического движения молодежи. Этого юношу, прибывшего на II конгресс Коминтерна, Владимир Ильич хорошо знал по периоду своей последней эмиграции в Швейцарии, где тот возглавлял Союз социалистической молодежи этой страны и зарекомендовал себя непримиримым борцом против оппортунизма. Активно и настойчиво работал В. Мюнценберг над сплочением пролетарского юношества в международном масштабе.

Продолжение. Начало в №№ 1, 7, 8, 10, 12.

В. Мюнценбергу во время заседании конгресса Коминтерна не удалось переговорить с В. И. Лениным, и поэтому 1 сентября он посылает Владимиру Ильичу записку с просьбой принять его: «...Я не хотел бы возвращаться в Западную Европу, не поговорив с Вами несколько минут о Коммунистическом Интернационале Молодежи и его ближайших задачах в коммунистическом движении». На этой записке сохранилось ленинское поручение секретарю: «Созвонитесь с **Деловым Двором**. Когда уезжает Мюнценберг?»

В. И. Ленин, вспоминая В. Мюнценберга, «встретил меня словами: «Что делает молодежь?»— и подробно осведомился о всех участниках Циммервальдской левой и швейцарской организации молодежи. Я не знаю ни одного вождя рабочего движения, который бы при таких политических полномочиях всемирной важности и в подобной должности так по-дружески и по-человечески относился бы к товарищам, как Ленин...

Ленин обещал мне, по возможности, всяческую поддержку в организации движения молодежи, которую он всегда рассматривал наряду с партийной работой как самую важную и первоочередную. «Не смущайтесь, что Вас называют «специалистом по молодежи». Без молодежи невозможно создать Коммунистической партии!»

17 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о рабочих факультетах. Основной задачей рабфаков, подчеркивалось в этом документе, является «вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы». Развитию рабфаковского движения в республике В. И. Ленин придавал чрезвычайно большое значение. Он живо интересовался всеми сторонами жизни и учебы юношей и девушек, смело и дерзновенно отправившихся на штурм современных высот науки и техники. В воспоминаниях Н. К. Крупской приводится весьма показательный эпизод: «Придешь, бывало, к Ильичу... усталый, озабоченный... молчит. Знала я, что для того, чтобы разговорить его, перебить ему настроение, надо рассказать ему что-нибудь характерное из жизни рабфаковцев...»

17 сентября Владимир Ильич, получив телеграмму из Екатеринбурга, в которой говорилось, что в соответствии с указанием Наркомпрода студенты государственных университетов должны снабжаться продкарточками II категории (в минувшем году они получали I категорию), пишет на ней резолюцию: «Луначарскому и Покровскому для соглашения с Брюхановым или внесения в СНК». В тот же день Н. П. Брюханов отвечал А. В. Луначарскому запиской: «Это какое-то недоразумение: 7-го сентября Наркомпродом дано распоряжение о снабжении студентов по норме красноармейского тылового пайка. Пришлите мне копию этой телеграммы, у меня ее еще не было, я подтверждаю красноармейский паек».

Между 22 и 26 сентября Владимир Ильич беседует в Кремле с Кларой Цеткин. «Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она— часть революции»,— сказал тогда В. И. Ленин.— И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, то лучше выступить против этого заблаговременно...»

— Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт— гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода,— разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого «использования жизни». В здоровом теле здоровый дух!

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Фото Моисея НАППЕЛЬБАУМА

Коснувшись во время этого разговора проблем, связанных с широким образованием и воспитанием народных масс, Владимир Ильич особый акцент сделал на следующем.

— Каковы же наши перспективы на будущее? Мы создали великолепные учреждения и провели действительно хорошие мероприятия с той целью, чтобы пролетарская и крестьянская молодежь могла учиться, штудировать и усваивать культуру. Но и тут встает перед нами тот же мучительный вопрос: что значит все это для такого большого населения, как наше? Еще хуже того: у нас далеко нет достаточного количества детских садов, приютов и начальных школ. Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды. Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Со-

ветского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность».

26—27 сентября Владимир Ильич участвует в работе III сессии ВЦИК 7-го созыва. Слушает обширный, первый за время с октября 1917 года, отчет А. В. Луначарского о работе Наркомпроса, содоклады и выступления по этому вопросу. А. В. Луначарский, в частности, докладывал, что, несмотря на огромные трудности, в стране удалось напечатать шесть миллионов букварей. В кратком конспекте Владимир Ильич обращает внимание на то обстоятельство, что по сравнению с 1911 годом число школ почти не выросло. В 1911 году было 55346 школ, которые «могли обнять 3 1/2 млн.», в 1919—73859, а в 1920 году— «до 88 тыс. (60—65% детей этого возраста) могут обнять 5 1/2 млн. детей».

Лаконично передается в записях положение дел с развитием в республике детских садов и домов.

«В дошкольном деле,— пишет Владимир Ильич,— ничего не было». В скобках добавляет: «Кроме единиц для богатых». За этой записью следует: «В Советской России 3.623 детских сада (открываем около 1000 в год)».

Чуть ниже помещены данные о детских домах:

«2000 детских домов с 200.000 детей. Всего до 1/2 млн. детей... (из 8 млн.)».

Среди этих записей есть две строчки, которые особенно красноречиво передают глубокую тревогу Владимира Ильича в связи с тем, что имеющимися государственными заведениями охватывается все еще очень незначительное число детей и подростков. В дошкольных заведениях, отмечает В. И. Ленин, «...детей 2%... всего числа детей этого возраста».

Но совсем уже удручающе звучит последняя запись в этом разделе: «32.000 детей в колониях под Москвой этот год».

В другом месте конспекта читаем

также: «Стон и вопль» насчет обуви, одежды, перьев, карандашей, бумаги и проч.».

Среди дальнейших пометок встречается также: «О высшей школе и рабочих факультетах».

29 сентября Владимир Ильич участвует в заседании Пленума ЦК партии, обсуждавшего вопрос о предстоящем съезде РКСМ, об образовании партийной фракции на съезде.

1 октября В. И. Ленин в беседе с председателем Иваново-Вознесенского губисполкома Г. К. Королевым подробно расспрашивал о жизни детей края. «Интересный вопрос был задан: «А как вы кормите детей и в каких условиях они находятся?» — рассказывал Г. К. Королев в газете «Рабочий край». — Без прикрас я сообщил, что детям, как и взрослым, живется плохо. Местные организации, хотя и принимают к улучшению многое, но этого мало». Вскоре Совет Труда и Оборона с участием В. И. Ленина рассмотрел насущные нужды иваново-вознесенцев и принял специальное постановление.

1 или 2 октября Владимир Ильич принимает делегацию III съезда РКСМ, приглашающую его выступить на съезде, заслушивает информацию представителя ЦК РКСМ Л. Шакина о положении в Союзе молодежи и дает согласие выступить с речью на съезде.

2 октября в речи на съезде рабочих и служащих кожевеного производства Владимир Ильич приводит яркий пример того, как буржуазия играет на неопытности молодежи, силой и неправдой втягивая ее в контрреволюционный водоворот. Он рассказывает о выступлении на закончившейся незадолго перед этим IX Всероссийской конференции РКП (б) представителя крупного профсоюзного объединения Польши, варшавского рабочего, которому удалось пробиться в Советскую Россию через полосу фронта. Вот его рассказ в изложении В. И. Ленина: «Польская армия, состоявшая раньше из молодежи (туда брались первопривычники, мальчишки), теперь выбита. Теперь мобилизовали до 35-ти лет: теперь там взрослые люди, которые проделали империалистскую войну, и эта армия далеко не так надежна для польских помещиков и капиталистов, как армия, состоящая из молодежи».

2 октября Владимир Ильич выступает с исторической речью «Задачи союзов молодежи» на открытии III Всероссийского съезда РКСМ в помещении Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова (ныне театр имени Ленинского комсомола). Эта речь стала программным партийным документом для всех поколений комсомольцев, боевым манифестом борьбы всей прогрессивной молодежи мира.

С первой до последней фразы ленинскую речь пронизывает глубокая вера в революционные силы и способности поколений, идущих на смену старой гвардии борцов. Сидящим в зале посланцам комсомоли двенадцатых годов, а в их лице и всей юности Республики Советов Владимир Ильич говорит об их исторической ответственности за судьбы революции, за завершение начатых отцами и старшими братьями коренных социально-экономических преобразований на родной земле, за переустройство всего общественного уклада на коммунистических началах.

Рисуя перед молодежью захватывающие перспективы предстоящих дел и свершений, он в то же время подробно останавливается в своей речи на характеристике практических задач, которые предстояло решать комсомольцам, говорит об участии юношей и девушек в возрождении промышленности, сельского хозяйства, реорганизации их на современной технической основе; о строительстве новой сознательной дис-

циплины труда; о создании духовных предпосылок коммунистического общества; о необходимости овладения культурным наследием прошлого.

Учиться коммунизму — вот главный наказ, который адресует В. И. Ленин комсомольцам, всему молодому поколению. «Перед вами задача строительства, — обращался он к делегатам комсомольского съезда, — и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы». Он предостерегает против школярского подхода к пониманию задачи — обучения коммунистической науке. Стать настоящим коммунистом можно только в труде вместе с рабочими и крестьянами, будучи активным участником коммунистического строительства. Каждый, кто связал свою судьбу с комсомолом, подчеркивал Владимир Ильич, обязан твердо помнить и заботиться о том, чтобы его действия, поступки всегда были примером для широкой молодежной массы.

После выступления Владимир Ильич ответил на многочисленные записки делегатов. Касаясь вопроса о взаимоотношениях комсомола и РКП (б), он подчеркнул, что РКСМ должен работать под руководством партии, руководствоваться «общими директивами Коммунистической партии, если действительно хочет быть коммунистическим».

Видный деятель Коммунистической партии Е. М. Ярославский писал: «Мне вспоминается Ленин на съезде Коммунистического Союза молодежи, где он говорил серьезным тоном с подростками, с юношами так, как говорят только со взрослыми. У Ленина не было и тени того высокомерия старого работника, который смотрит сверху вниз на молодежь. Он видел в молодежи настоящих борцов и в решительные моменты, как в Октябрьские дни, на молодежь возлагал ответственнейшие задачи. Ленин никогда не отделял молодежь, в особенности рабочую молодежь, от всей остальной рабочей массы. Он считал только, что по отношению к молодежи необходимы особые способы работы и что эти способы работы среди молодежи надо тщательно выработать, тщательно проверять. Лучшее, если эта работа будет проделана самой молодежью...»

7 октября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о «Неделе ребенка». «Неделя» организовывалась с целью пропаганды и помощи нуждающимся детям советских республик с 7 по 14 ноября. Местным исполкомом рекомендовалось организовать особые комитеты для сбора добровольных пожертвований населения нуждающимся детям. К трудящимся обращался призыв передавать в эти комитеты все, относящееся «...к питанию детей и снабжению их предметами первой необходимости».

9 октября Владимир Ильич участвует в заседании Политбюро ЦК партии, где обсуждается вопрос о составе ЦК РКСМ.

14 октября Владимир Ильич посылает письмо заместителю наркома просвещения М. Н. Покровскому: «Прошу предоставить стипендию студентке медицинского факультета Нине Алексеевне Преображенской».

14 октября Владимир Ильич беседует с учителями-коммунистами — заведующими рабфаками в Москве, Нижнем Новгороде, Минске, Харькове и Перми. «Владимир Ильич», — вспоминает участник этой беседы С. Г. Дурасов, — стал расспрашивать, хочет ли молодежь учиться. Мы ответили: не хватает мест, чтобы принять всех желающих молодых

рабочих. Этому сообщению Владимир Ильич обрадовался... Я спросил, какие новые учебники нужны для рабфаков.

Ленин указал на готовящиеся книги по электрификации, по добыче торфа гидротехническим способом; эти книги должны быть в каждой библиотеке».

19 октября Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона об откомандировании в учебные заведения студентов-техников, служащих в военной промышленности.

18 или 20 октября Владимир Ильич посещает А. М. Горького. Именно тогда они вместе слушали бетховенскую сонату «Appassionata»...

Разговор между В. И. Лениным и А. М. Горьким шел, как свидетельствует Е. П. Пешкова, о литературе. А. М. Горький «горячо настаивал на необходимости поддержать начинающих писателей из народа и писателей разных народностей...» Владимир Ильич, несомненно, разделял обеспокоенность своего собеседника. В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказывал о ленинском интересе к творческому росту молодых дарований. «Он неустанно следил за всей комсомольской повседневной прессой, — писал В. Д. Бонч-Бруевич, — за всеми установками молодежной организации, за книгами и брошюрами, издававшимися этой организацией, и особенно тщательно — за произведениями новых молодых писателей из комсомольской среды, отмечая всех наиболее талантливых, читая их книжечки с карандашом в руках».

А. М. Горький в своих воспоминаниях передает такой диалог, состоявшийся у него с Владимиром Ильичем:

— ...А вы не находите, что стихов пишут очень много? И в журналах целые страницы стихов, и сборники выходят почти каждый день.

Я сказал, что тяготение молодежи к песне — естественно в такие дни и что — на мой взгляд — посредственные стихи легче писать, чем хорошую прозу, и времени требуют стихи — меньше; к тому же у нас очень много хороших учителей по технике стихосложения.

— Ну, что стихи легче прозы — я не верю! Не могу представить. С меня хоть кожу сдерите — двух строчек не напишу, — сказал он и нахмурился. — В массу надобно двинуть всю старую революционную литературу, сколько ее есть и у нас, и в Европе.

21 октября Владимир Ильич в записке заместителю народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханову сообщает о встречах со ставропольскими крестьянами, доставившими в столицу хлеб для детей. «Ставропольские крестьяне (привезшие хлеб детям) жалуются, — пишет он, — что не дают из кооперативов

колесную мазь (есть на складе), спички и другие товары. Селедку погноили, а не дали».

Он просит принять срочные меры, чтобы экстренно удовлетворить запросы ставропольчан.

Из телеграммы Народного комиссариата продовольствия Ставропольскому губисполкому, отправленной 8 ноября 1920 года, известно, как были распределены продукты, привезенные из Ставрополя. «Подтверждаем получение 19 вагонов продовольствия на имя предсовнаркома Ленина, распределенных Наркомпродом: 14 — голодающим детям Москвы, 5 — рабочим Иваново-Вознесенска», — сообщалось в телеграмме.

29 октября Владимир Ильич председательствует на заседании Совета Труда и Оборона, где принимается постановление о снабжении теплой одеждой и обувью инструкторов по ликвидации безграмотности.

29 октября Владимир Ильич направляет А. В. Луначарскому на отзыв мате-

риалы готовящегося партийного совещания по вопросам народного образования. В них говорилось, что задачей совещания является установление основных точек зрения по следующим проблемам: социальное воспитание детей; социалистическое просвещение юношества; рабочие факультеты и их место в общей системе просвещения и другие. В числе участников совещания назывались и представители ЦК комсомола. Совещание проходило в Москве с 31 декабря 1920 года по 4 января 1921 года. Однако из-за слабой подготовленности оно не только не выработало необходимых рекомендаций, но приняло расплывчатые постановления, которые были подвергнуты справедливой критике. В. И. Ленин, ознакомившись с материалами совещания и критическими замечаниями в его адрес, поставил вопрос в ЦК РКП (б) о приостановке выполнения решений совещания, касающихся, в частности, реорганизации Наркомпроса.

Ранее 3 ноября Владимир Ильич знакомится с проектом декрета о централизации библиотечного дела, который был написан Н. К. Крупской. В. И. Лениным вносятся поправки и дополнения. Так, к примеру, рядом со следующим положением проекта декрета: «...при основных библиотеках открывать детские отделения и во всяком случае детские отделы. Особые передвижки из детских книг могут обслуживать школы, детские дома и пр.», Владимир Ильич помечает: «Должны быть открываемы, должны». Декрет обсуждался на заседании Совнаркома 3 ноября 1920 года.

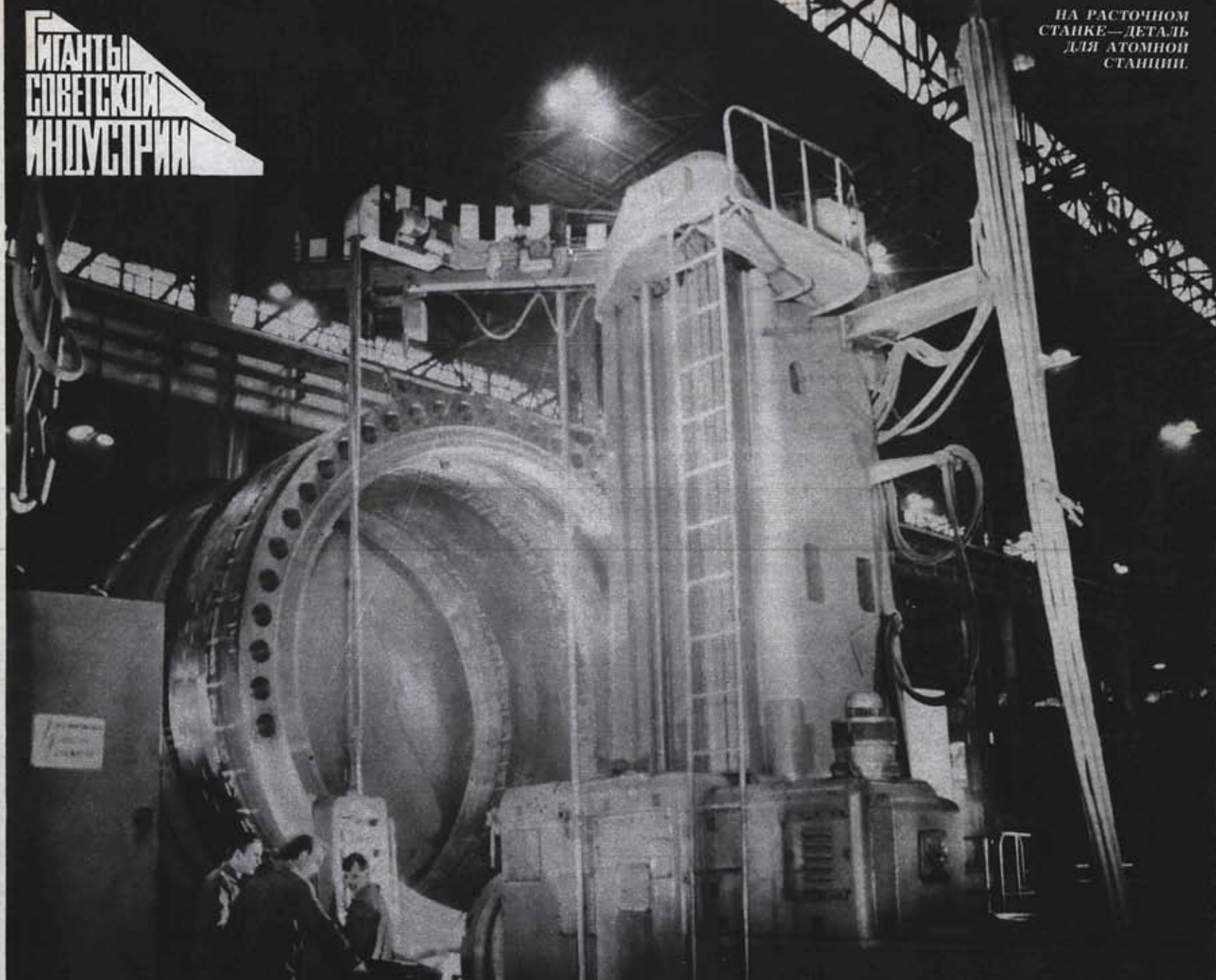
11 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о приеме на экономический факультет Института народного хозяйства имени Карла Маркса.

12 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об учреждении Главного политико-просветительного комитета республики (Главполитпросвета), где специально оговаривается, что на основаниях и в пределах существующих соглашений в круг ведения Главполитпросвета входят и «политико-воспитательные организации ЦКСМ» (Центрального Комитета Союза Молодежи.)

12 ноября к Владимиру Ильичу обращается со следующим предложением нарком просвещения А. В. Луначарский, возглавлявший в то время Совет защиты детей. «...Я посылаю Вам, — пишет Анатолий Васильевич, — объяснительную записку и проект декрета о создании Совета защиты детей под Вашим председательством. Вы не пугайтесь сразу, так как количество работы, которое ляжет при этом на вас, абсолютно ничтожно. Дело заключается главным образом в том, чтобы придать Совзадету ту же степень компетентности и авторитетности, какая придана ему на Украине... Сейчас для меня стало совершенно очевидным, что охранить сколько-нибудь интересное подрастающее поколение мы можем только путем чрезвычайно энергичного давления на провинциальные органы...»

Это предложение было вызвано тем, что Совет защиты детей испытывал в своей работе немало затруднений из-за ведомственного подхода некоторых работников и учреждений к решению тех или иных вопросов оказания помощи несовершеннолетним. После рассмотрения предложенной А. В. Луначарским реорганизации Совета защиты детей 27 января 1921 года была создана Комиссия при ВЦИК по улучшению жизни детей во главе с председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским. Этому межведомственному органу вменялось в обязанность объединять деятельность различных организаций по оказанию помощи детям и осуществлять высший надзор за различными органами власти по вопросам охраны прав детей. Аналогичные комиссии были образованы и на местах.

ГИГАНТЫ
СОВЕТСКОЙ
ИНДУСТРИИ

Евгений КУТУЗОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

ИЖОРА

Уже давно не связан я с Ижорским заводом. За прошедшие годы поработал на многих предприятиях в разных городах, но где бы ни жил, почему-то всегда считал себя по-прежнему причастным к Ижорскому заводу, точно не было и нет в моей трудовой книжке записи о том, что «уволен по собственному желанию». Все эти годы мне кажется, что я нахожусь в длительной командировке и, как всякий командированный, разворачиваю по утрам газеты, ищу сообщений с Ижорского завода, про Ижорский завод...

«Стремительно нарастает трудовой темп десятой пятилетки в коллективе объединения «Ижорский завод». В социалистическом соревновании под девизом «От высокого качества работы каждого—к высокой эффективности труда коллектива!» лидируют передовые бригады Героев Социалистического Труда С. И. Ильина, В. А. Горюнова, А. П. Михалева, лауреата

Государственной премии СССР Н. И. Мешкова и многих других.

Бригада сталеваров, руководимая Героем Социалистического Труда С. И. Ильиным, сосредоточила свои усилия на экономном использовании трудовых и сырьевых ресурсов, на бездефектной работе. Сталевары дали слово к 7 ноября 1977 года выплавить сверх плана 500 тонн высококачественной стали, а в день славного юбилея сварить плавку на сбереженных мазуте и ферросплавах...

«Крупная партия стальных труб досрочно отправлена в столицу Монголии. Стальные бесшовные трубы ижорских металлургов пользуются большим спросом за рубежом... Уже в первой половине этого года трубопрокатчикам предстоит выполнить 37 заказов четырнадцати стран мира. Впервые в 1977 году будут выполнены заказы Австрии и ФРГ».

«Три модели ижорских карьерных экскаваторов вновь успешно прошли государственную аттестацию: на новый трехлетний срок им

подтвержден Знак качества. Высокая производительность, хорошая маневренность, надежная работа в любых климатических и горногеологических условиях, простота в управлении и обслуживании—эти и другие качества поставили ижорские экскаваторы в число лучших отечественных и зарубежных машин...»

«ХЕЛЬСИНКИ, 23 марта. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, находящийся в Финляндии с дружественным визитом, посетил атомную электростанцию близ города Ловиса. АЭС «Ловиса» является крупнейшим объектом экономического сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией...»

Из социалистических обязательств коллектива производственного объединения «Ижорский завод»:

«На основе внедрения в производство организационно-технических мероприятий и новой техники увеличить выпуск оборудования для АЭС (по суммарной электрической мощности) против 1976 года в два раза, в том

числе обеспечить поставку оборудования для АЭС «Ловиса» (блок 11)...»

Каждый колпинский мальчишка всегда знал, что Ижорский завод—самый большой и самый старейший в стране. Думаю, что эту уверенность нам, мальчишкам, исподволь внушали взрослые.

Пришло время, и я узнал, что Ижорский завод отнюдь не самый большой, есть гораздо больше, и вовсе не самый старейший. Не стану придумывать, что это «открытие» очень опечалило меня, но в душе все-таки остался какой-то неприятный осадок, словно у меня отняли нечто прекрасное, словно меня лишили чуда...

Расставание с детскими иллюзиями никогда не проходит безболезненно.

Время от времени без всякой конкретной цели и видимой необходимости я вдруг собираюсь и еду на Ижорский завод. Близким своим я не уточняю, что еду именно на Ижорский—просто говорю «на завод», и этого вполне достаточно. Бывая на заводе, я не обязательно иду в цех (знаю, что это мое признание

не понравится тем, кто заказывает для меня пропуск), а чаще брожу по территории, узнавая и не узнавая завод. Раньше, еще совсем недавно, не было случая, чтобы я не встретил друзей, родственников или хотя бы знакомых. Теперь такие встречи становятся все реже и реже... Даже приходя в цех, где я когда-то работал, я больше вижу людей незнакомых.

Но что, какая сила тянет меня туда? Только ли воспоминания, либо нечто большее? Ведь я понимаю, что давно стал чужим здесь, гостем, что моя связь с заводом сделалась фактом моей биографии, оставшись несколькими строчками в трудовой книжке... Да и лавров, по правде говоря, я не снискал, работая на Ижорском заводе. Более того, трезво оценивая прошлое, я сознаю, что был слабым кузнецом, хотя, конечно же, приобрел некоторый опыт, который позволил мне, работая на других заводах, считаться кузнецом хорошим. Однако это не мое достижение. Это достижение многих поколений кузнецов-ижорцев, чье мастерство терпеливо (известно, что чем меньше у человека способностей, тем больше у него амбиции!) и настойчиво передавали мне старшие товарищи—Анатолий Александрович Красоткин, Федор Федорович Малашин, Борис Петрович Костромитин и другие. Когда кто-то хвалил меня за умение—это на самом деле хвалили их. Каждый из них был по-настоящему талантливым кузнецом, Мастером с боль-

шой буквы, однако их мастерство тоже не выросло на голом месте, они наследовали его, чтобы, обогатив своим опытом, своими знаниями, передать следующему поколению.

Так было всегда. Из поколения в поколение передавался опыт ижорских мастеровых, а опыт этот имеет глубокие корни и давным-давно признан повсюду.

Хоть и не самый старейший Ижорский завод, а все-таки он очень старый...

В 1710 году, когда в результате Северной войны были освобождены исконно русские земли в устье Невы и Россия получила выход к Балтийскому морю, близ того места, где теперь находится Ижорский завод, были построены плотина и «пильная мельница». России нужен был флот, а для строительства флота нужен был лес. С берегов Ижоры, которая впадает в Неву, было удобно сплавлять древесину в Санкт-Петербург. Леса требовалось много, из него строили не только корабли, но и новую столицу. В 1719 году Петр I приказал перенести «пильную мельницу» ниже по реке Ижоре, «дабы с Невы удобнее лес можно для пилования выводить для того что лес уже на Ижоре переводитьца...».

В июле 1722 года появился еще один документ:

«По указу его императорского величества Адмиралтейств-коллегия слушав генерала-фельдмаршала светлейшего князя Меншикова веления, приговори-

ли: для осмотра мест, где будет закладываться пильная мельница на Ижоре ехать вице-адмиралу Змаевичу...»

Июль 1722 года и принято считать датой основания завода, который до октября 1917 года назывался «Адмиралтейские Ижорские заводы» и находился в ведении Военно-морского ведомства.

Еще не так давно, на моей взрослой памяти, в Колпине невозможно было найти семью, в которой хоть кто-нибудь не работал бы на Ижорском заводе имени Жданова. Там работали все.

Понятно, что для колпинских мальчишек это был не просто завод, где работают отец или мать. Подвигом, например, считалось запустить «змея» выше самой высокой заводской трубы. Наиболее притягательным для нас местом была центральная плотина (это место называли «плиты»), откуда через решетку забора можно было заглянуть на территорию и увидеть множество интересного! Удавалось это не всегда, потому что плотина в те годы охранялась, зато сколько бывало радости, если все-таки, обманув охрану, мы пробрались к забору! Мы буквально прилипали к чугунной решетке, а после, когда нас прогоняли, горячо спорили, какие видели корабли. Эсминцы?.. А может, крейсера?..

Увы, теперь-то я знаю, что не было там ни эсминцев, ни крейсеров. Никаких кораблей Ижорский завод не строил.

Я понимаю, что похожее отношение мальчишек к заводу, возле которого они живут и где трудятся их родные, свойственно не только колпинским мальчишкам. И все же...

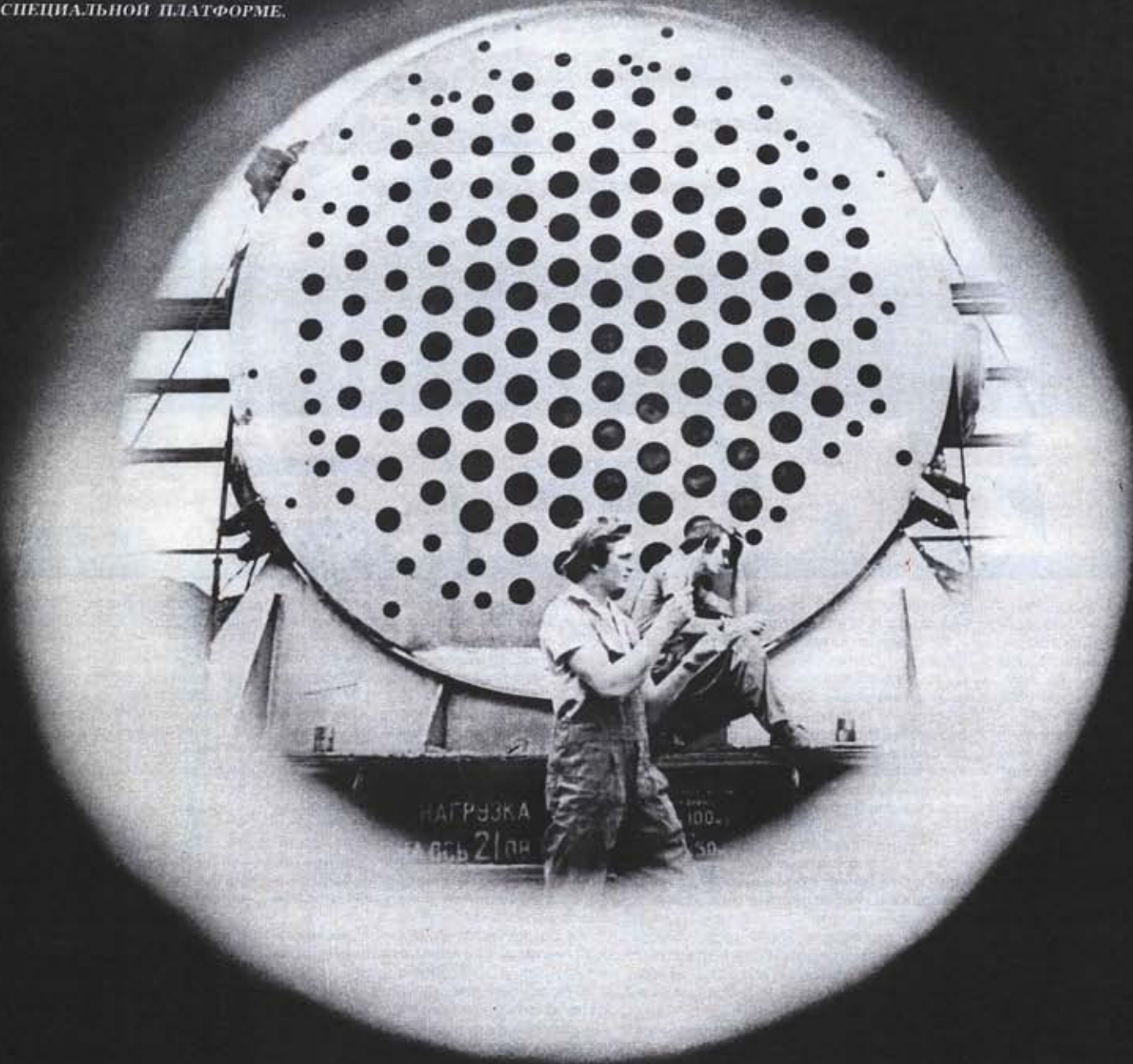
Любовь ижорцев к своему заводу—беру на себя смелость утверждать так—всегда была какой-то особенной. Я хорошо знаю это и по своему личному опыту и по тем многочисленным письмам, которые приходят на завод от людей, которые когда-то были связаны с ним, а теперь по тем или иным причинам живут в других городах и работают на других предприятиях.

Вот одно из таких писем:

«Здравствуй, дорогие ижорцы!

Сердечный привет вам из далекой Киргизии... Я сама—колпинка... И вся наша семья, из которой сейчас почти никого не осталось,—тоже колпинцы. Моя мама Мария Федоровна Петухова работала до войны и в ее начале во втором механическом цехе Ижорского завода, отец Федор Михайлович—десятником... Старший брат Владимир Федорович тоже работал на Ижорском... Он ушел на фронт добровольцем, прошел почти всю войну и погиб в Латвии... Погибли и отец с младшим братом... Столько уже лет прошло, а память крепко помнит все, что пришлось пережить нам в суровое военное время в Колпине. Помню бомбоубежище в недостроенном Доме культуры, помню развалины нашего дома... И то помню, как ходили на передовую рыть окопы, тран-

УНИКАЛЬНУЮ ПРОДУКЦИЮ ЗАВОДА
ВЕЗУТ НА СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ.

что работает именно на этом, тоже прославленном заводе, и все же у него связь с производством как бы ограничена временем. Есть место работы и есть место жительства.

Ижорский завод и Колпино—одно целое. Даже сегодня, когда Колпино давно-давно перестало быть посадом, о жителях которого рассказывали всякие небылицы, когда это уже и не рабочий поселок, а довольно крупный современный город (входящий, правда, в границы Ленинграда), в Колпине по-прежнему нет места, откуда бы не был виден завод, и нет дома, в котором не жили бы люди, работающие на заводе.

Мы росли в какой-то особенной атмосфере преданности заводу, в атмосфере уважения к рабочему человеку, и все мы, у кого отец, мать, старший брат или дед работали на Ижорском, страшно гордились этим. Да и как не гордиться, если это самый-самый!..

Пожалуй, мы все-таки очень мало знали о том, какая продукция выпускается заводом, и все же мы знали твердо, что делают на нашем заводе самое важное, самое сложное и самое лучшее...

НОВЫЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ КОРПУС.

ИЗ ПЕЧИ ПОКОВКА НАПРАВЛЯЕТСЯ ПОД ПРЕСС.

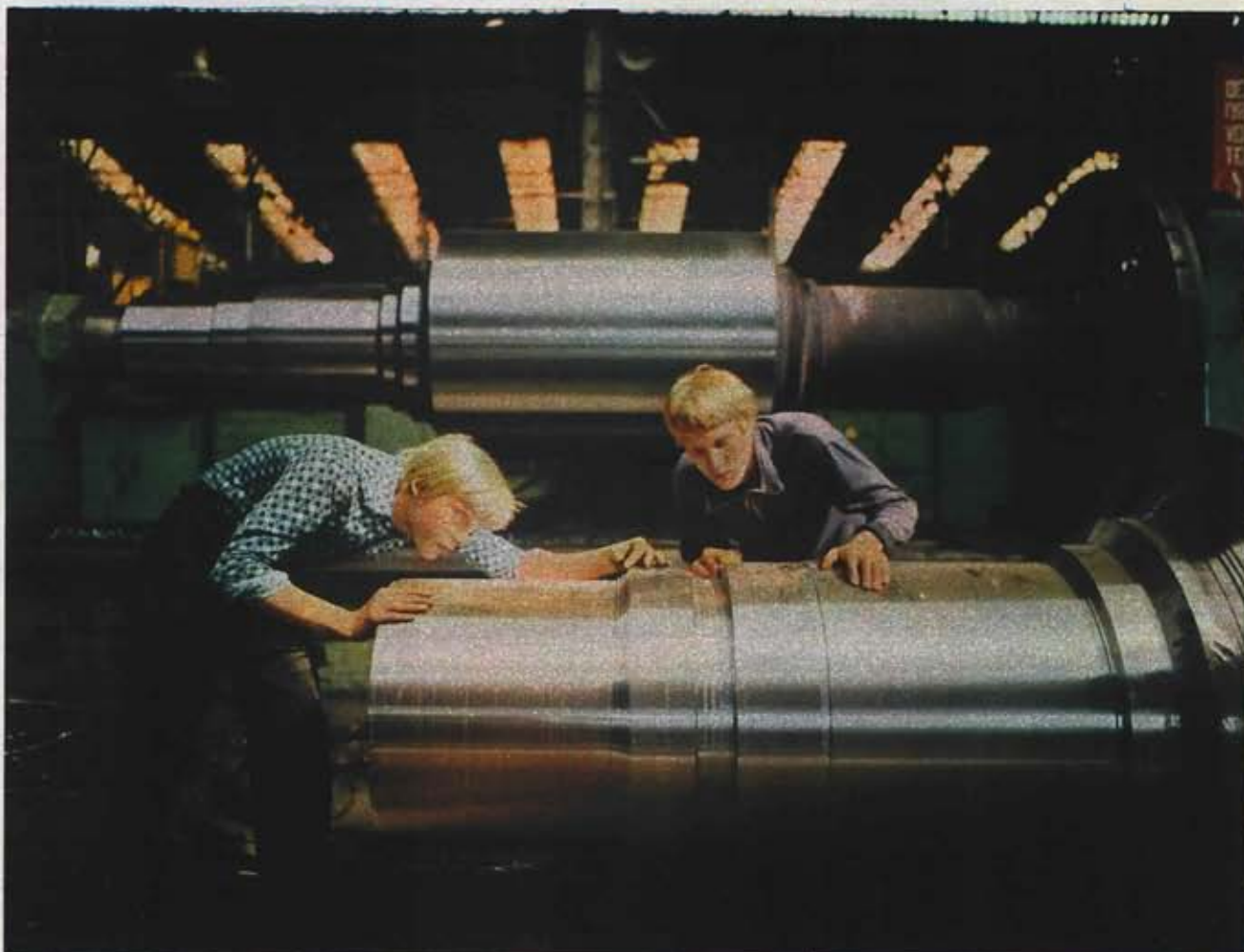
ВАЛ ДЛЯ ЗНАМЕНИТЫХ ИЖОРСКИХ ЭКСКАВАТОРОВ.

шеи, как изучала винтовку, гранату и как под самым носом у врага вырывали из-под снега мороженую картошку и «хряпу»... Все сохранила память: и обстрелы, и пожары, и голод, и холод, и гибель людей. Но главное—ту стойкость, с которой стояли ижорцы, не пуская врага в родной город Колпино, к Ленинграду... Нас эвакуировали 9 ноября 1942 года. Сейчас живу вместе с мамой и часто вспоминаю наш город. Вспоминаю, как ходила с детворой за грибами, ягодами, как ездила в пионерский лагерь, как купалась в Ижоре, лучше которой нет, наверное, на всем белом свете... Я по-хорошему завидую вам, и особенно молодежи, которая живет в городе моего детства и юности, в городе, который я так часто вижу во сне...»

Я убежден, что это письмо Раисы Федоровны Петуховой, опубликованное в канун 1977 года в многотиражной газете, подписал бы каждый бывший ижорец, каждый, кто жил когда-то в Колпине.

В чем же тут дело, что это за такая особенная любовь?..

Вот, скажем, живет человек на Васильевском острове, а работает на заводе имени Ленина в Невском районе. Человек любит свой завод, гордится,

У каждого завода своя судьба. Ижорскому изначально была уготована судьба необычная. Быть «лесопилкой» ему пришлось совсем недолго. Уже в середине XVIII века завод перешел на изготовление продукции из металла — якорные цепи и якоря, стальной и медный лист, — а к началу XIX века технически настолько окреп, что перешел на выпуск паровых машин и кораблей различного назначения. В частности, первый в России колесный пароход «Скорый» был построен на Ижорском заводе. Однако сугубо судостроительным заводом Ижорский так и не стал. Наряду с судами и оборудованием для них здесь было развито металлургическое производство, машиностроение, изготавливались приборы, тяжелое металлургическое оборудование, подвесники, пуговицы и даже чеканились деньги! Позднее, в начале XX века, Ижорский завод выпускал броневые автомобили, дирижабли, самолеты, бронепоезда, танки и многое, многое другое...

Особенно же завод прославился производством высококачественной брони, равной которой не выпускалось нигде в мире.

В 1870 году на международной выставке в Петербурге Ижорский завод показал броневую плиту толщиной в 15 дюймов и весом более 1300 пудов. По тем временам это было сенсацией.

В течение XIX века Ижорский завод 15 раз участвовал в различных международных выставках, получал дипломы и медали.

Читатель, конечно, уже обратил внимание, что Ижорский завод, в сущности, никогда не был специализированным и что продукция его часто менялась. Это было вызвано отнюдь не текущей необходимостью, но требованиями научно-технического прогресса, ибо многое, что делалось и делается нынче на Ижорском заводе, делалось и делается впервые!

Не станем углубляться в историю. Отметим лишь некоторые вехи в развитии и становлении завода.

Первые русские корабли с паровыми машинами. Первая отечественная броня, которая превзошла даже английскую. Первые трубы высокого давления и оборудование для бурения. Первый блюминг...

О строительстве этого блюминга, пожалуй, стоит рассказать подробнее. Это не просто яркая страница «биографии» Ижорского завода. Это одна из важнейших страниц в истории нашей тяжелой промышленности.

Никогда в России не строили блюминги. Вообще производством этого сложнейшего оборудования занимались лишь три фирмы в мире: американская «Места», немецкие «Демаг» и «Закк». А нам нужны были свои блюминги. На XVI съезде ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе говорил: «За два — два с половиной года на наших заводах должно быть установлено 10—12 блюмингов и соответствующее прокатное оборудование. Нечего рассчитывать, что все это будет из-за границы...»

Изготовление первого отечественного блюминга, по тем временам гигантского, с диаметром рабочих валков 1150 мм, было поручено Ижорскому заводу. И выбор этот не был случаен, ибо именно многопрофильность Ижорского завода позволяла надеяться, что коллектив справится с заданием Родины.

Обычный срок изготовления такого рода оборудования — один год...

Ижорцы спроектировали и построили первый блюминг за 8 месяцев и 27 дней. 30 апреля 1931 года газета «Ижорец» писала:

«Заказ революции выполнен досрочно. Крепость иностранной техники взята большевистским штурмом. Колпинский старик — металлургический гигант стал базой тяжелого машиностроения».

Этой базой наряду с производством другой продукции Ижорский завод остается и нынче. Все 60 лет существования Советского государства он наращивал свою производственную мощь, выйдя

теперь на передовые рубежи технического прогресса. А так как сегодня самое главное — развитие энергетики, ижорский старик становится головным предприятием в стране по производству уникального оборудования для АЭС — атомных электростанций.

Сегодня мы много пишем и говорим о престижности рабочих профессий. Сегодня мы внушаем, втолковываем нашим детям, что быть рабочим несколько не хуже и не менее почетно, чем быть инженером. В Колпино такой проблемы никогда не существовало! Если на Ижорском заводе работал отец, то туда же приходили его дети и дети их детей. Это было настолько естественно, настолько обычно, что о династиях как-то и разговоров не было, ибо все ижорцы принадлежали к династиям. И не было нужды новичку рассказывать о славных традициях, о лучших людях завода. Мне трудно представить, что кто-то мог не знать о первом красном директоре, бывшем рабочем Степане Королеве, о формовщике Иване Арсентьевиче Румянцеве, о сталеварах Андрее Бутримове и Ниле Холмогееве, о герое гражданской войны, также потомственном ижорце Андрее Вавилове, об инженере Дмитрие Сергеевиче Сухаржевском, о мастере Порфирии Петровиче Кошелеве, о первом Герое Социалистического Труда и первом депутате ижорцев в Ленсовете Александре Григорьевиче Андрееве, о прокатчике Никаноре Николаевиче Исаеве и токаре Иване Васильевиче Рябове, о кузнеце Михаиле Кононове...

Менялись времена, на завод приходили новые люди, но память об этих и многих других мастерах жива и поныне. Вот что рассказывает в своей книжке «Гордость моя, Ижора» Герой Социалистического Труда вальцовщик В. А. Горюнов о своем первом учителе Н. Н. Исаеве: «Почти два десятка лет довелось мне трудиться возле Никанора Николаевича. Все это время я чувствовал его поддержку, незаметно для самого себя по крупицам перенимал его опыт. Многими своими дальнейшими успехами в работе я обязан именно ему...»

То, что сегодня мы называем наставничеством, имеет на Ижорском заводе давние традиции.

Не буду придумывать, что будто бы в свое время стал кузнецом «по велению сердца» — до нас с братом, который и теперь работает кузнецом на Ижорском, в родне кузнецов не было. Я уже говорил, что хорошего специалиста из меня не вышло, но почти одновременно со мной на Ижорском заводе начинали Алексей Ионкин, Василий Семенов, Николай Савин, Евгений Жагрин, Павел Пожидаев. Они-то стали отменными кузнецами и обязаны этим тем же Красоткину, Малашину, Костромитину, Попову, Иванову.

Скажем, Анатолий Александрович Красоткин — в то время он уже работал мастером — был хорошим воспитателем, педагогом по призванию. Проблему обучения приемам работы он решал просто: брал в руки клещи и показывал, как надо делать. Но научить работать — этого мало. Гораздо важнее, мне кажется, для Анатолия Александровича было научить человека гордиться за свою профессию, уважению к труду вообще, если хотите — патриотизму. Ведь он был ижорцем!

Помню, ковал я шестерни. Работа не сложная, выгодная и для кузнеца и для цеха, потому что «дает тонны». Работаю и чувствую, что за моей спиной, возле контейнера с песком, куда я складываю готовые поковки, остановился Красоткин. Пусть себе, думаю. С размерами у меня все в порядке, беспокоиться не о чем.

А он, дождавшись, когда я откую очередную шестерню, вдруг говорит мне:

— Ты чего портачишь? Какие у тебя кромки получаются? Завалены, смотреть совестно!

— Это, — говорю я, — не имеет значения, все равно обрабатывать будут.

В ответ он ни слова не сказал, только взглянул на меня как-то странно, точно я допустил непростительную глупость или бестактность. Тогда я еще обозлился на него и подумал, что, дескать, смотри не смотри, а мне несколько не стыдно — брака нет! Позднее я понял, что Анатолий Александрович и не ждал, что мне сделается стыдно, он и не хотел этого. Стыдно было ему, потому что он учил меня...

В тот день мы всей бригадой остались после смены (благо молот ночью был свободен) и переделали те шестерни, кромки у которых были «завалены, смотреть совестно». Красоткин не стал хвалить меня за этот «самоотверженный» поступок, не ставил в пример другим. Для него такой поступок был единственно правильным и возможным.

Красоткин, даже Малашин не «сделали» из меня стоящего кузнеца — тому есть много разных причин. Зато именно они сделали гораздо большее — научили меня любить и уважать труд, хотя и до них у меня были учителя. И еще я знаю, что если и прощу себе что-то, сделанное кое-как, люди, с которыми я работал, у которых учился, эти люди не простят, хотя и промолчат при встрече...

Но вернемся назад, в предвоенные годы. За первым блюмингом последовали другие. В это время завод также выпускал кузнечно-прессовое оборудование, было освоено производство валков холодной и горячей прокатки, железнодорожных цистерн, горизонтальных ковочных машин, траловых лебедок. Продолжал завод выпускать буксир, землесосы.

В 1940 году Ижорский завод был награжден орденом Ленина.

«Нельзя объять необъятное», а Ижорский завод поистине необъятен! Однако нельзя также и пропустить Отечественную войну, которая явилась тяжелейшим испытанием для ижорцев.

В первые же дни войны более восьми тысяч рабочих завода подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Из ижорцев были сформированы: 72-й Краснознаменный отдельный артиллерийский пулеметный Ижорский батальон; 73-й, 74-й и 75-й истребительные батальоны; 14 сапдружин и 2 группы медсестер. Более чем наполовину ижорцами были укомплектованы три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона.

Оставшиеся на заводе продолжали работать, выпускать продукцию, необходимую армии. Завод находился в четырех километрах от передовой линии фронта.

29 августа 1941 года на заводе разорвался первый вражеский снаряд.

23 января 1944 года около заводской турбины разорвался последний снаряд врага.

За время войны на территории завода разорвалось 8942 снаряда и 67 авиабомб.

Около шестидесяти процентов производственных зданий и оборудования было почти полностью уничтожено; разрушены сталелитейный, чугунолитейный, кузнечный и другие цеха.

Ущерб, нанесенный предприятию в результате разрушений, выразился в сумме 300 254 874 рубля.

А завод работал! 27 июля 1944 года была выдана первая после трехлетнего перерыва плавка. Выдал эту плавку один из старейших сталеваров, Данила Александрович Булгак.

Я хорошо помню Колпино сразу после войны. Развалины, развалины, развалины... Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что будь это не Ижорский завод, а какой-то другой, он не был бы восстановлен столь быстро. (Уже в 1951 году был превышен уровень производства 1940 года.) По крайней мере потребовалось бы многократно больше сил и средств. Тут сказались характер ижорцев, их преданность своему заводу, который никогда не был для людей только местом работы и даже «вторым домом», но был всегда смыслом жизни. Не отри-

цаю, что пристрастен. Однако и посторонние люди отмечают, что коллектив Ижорского завода — особенный коллектив.

Не всегда и не все ладилось на заводе. Бывали и трудные времена, когда ижорцы не выполняли план, когда завод был убыточным предприятием. Этому есть множество причин, и среди них действительно объективные: плановые органы не учитывали, что Ижорский завод практически не выпускает серийной продукции, вся продукция — на штуки, что так называемая «малая металлургия» требует гораздо больших затрат. Однако никогда ижорцы не обращались в вышестоящие органы с просьбой «откорректировать» план. Сколь бы сложные проблемы ни стояли перед коллективом — коллектив решал эти проблемы сам.

В связи с трудностями, возникшими на заводе, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов родился проект превратить Ижорский завод в сугубо металлургический.

Вспоминая это время, бывший до недавнего времени директором завода Герой Социалистического Труда Сергей Александрович Форисенков писал: «...Все это правильно, тем более что на заводе работают крупные специалисты-металлурги. Но ижорское машиностроение является традиционно русской инженерной школой. Завод умеет все, может сделать любую машину, готов в любую минуту приняться за решение самых сложных проблем машиностроения. Можно ли разрушать такую инженерную школу? Отвечает ли это государственным интересам? Когда стало известно, что решается судьба завода, мы ожидали, что наши металлурги захотят выйти на самую широкую дорогу своего, так сказать, профиля, отмежуются от машиностроителей. Этого не случилось. Мнение было общим и единодушным: надо взять на свои плечи обеспечение Ленинграда самыми крупными заготовками, а вместе с тем развивать машиностроение. Это была борьба за завод, борьба не за личные судьбы, а за то, чтобы русской инженерной школе не был нанесен ущерб. Буквально каждый стал экономистом, подсчитывал выгоды, какие получит страна, если одновременно будут развиваться и металлургия и машиностроение...»

В 1967-м, юбилейном году Советской власти, выпуск продукции вырос по сравнению с 1913 годом в 14,6 раза. В последние годы ижорцы выпускают мощные карьерные экскаваторы нескольких модификаций, роторы для сверхмощных турбогенераторов, прокат черный и цветной, различные трубы, высоколегированную сталь, оборудование для предприятий тяжелого машиностроения, здесь освоена кессонная формовка, производство крупных слитков методом электрошлакового переплава,ковка уникальных слитков весом до 200 тонн, изготавливаются различные прессы, прокатные станы, оборудование для химической и судостроительной промышленности.

Сегодня Ижорский завод — это флагман атомного энергостроения.

Была весна, март. В этот день я в последний раз приехал на Ижорский завод. Походил по территории, зашел в цех, где работает мой брат. Посмотрел, как он трудится, потом пообедал с его бригадой.

Я прощался с заводом, потому что именно в тот день дал себе слово никогда больше не бывать здесь. И случилось так, что именно тогда, прощаясь, я вдруг понял, что детская убежденность в том, что Ижорский завод самый большой и самый старый, вовсе не иллюзия.

Он — самый большой среди самых старых и самый старый среди самых больших!

Как прекрасно, что он есть, и как мне повезло, что и я когда-то работал на нем...

РАЗБУЖЕННОЕ НЕБО

Пролог

Какая небо над весенней рощей!
Какая сны! Была б она пуста,
когда б не птицы реактивной росчерк
и блеск инверсионного следа.
Но эта сны для нас бывала твердью,
когда ракеты, стопорясь, не шли,
когда границей бытия и смерти
была граница неба и земли.
И, слава дерзновенности человека,
ступеньки прорубающего ввысь,
мы вспомним взгляд прицельный
Улугбека,
Кибальчича раскованную мысль;
и чудака калужского, по-детски
влюбленного в гудящий звездный рой;
и тот виток — стремительный
и дерзкий —
гагаринской улыбки над Землей.
Скорбь обелисков. Гул над степью
грозный.
Ракетчиков — друзей моих — глаза,
тех, что ракет титановые гвозди
уверенно вбивают в небеса.
И если вам их лица незнакомы,
о них расскажут свежие следы —
оплавленный бетон ракетодрома,
бессмертника каленые цветы.

Мир на ощупь

По коридору медсанчасти гарнизонной,
слепой беспомощностью крепко смущены,
два привидения в исподних казенных
идут гуськом, на ощупь, вдоль стены.
Валяться в койках им давным-давно
обрыдло,
хоть слепота пока что не прошла...
Им веки мазью мажут липкой,
как повидло,
а резь в глазах, как от толченого стекла.
Они острят! Не укротить их юный гонор.
Но по ночам в зрачках под обручем бинта
горит разбуженное небо полигона
и плещется, как море,
высота...
И все же мы верили, что белый свет
увидим
и через времечко, когда-нибудь, вдвоем,
без провожатых из санчасти выйдем
и медсестренке со значеньем подмигнем.
Ну, а пока
бредем вдоль стенки, и не ропщем,
и, зная мир, что называется, на глаз,
находим мужество
постичь его на ощупь:
вдруг он по-новому
открывается для нас?

Монолог неба

Ты можешь долго вытерпеть без хлеба,
прожить слепцом, калекой целый век,
но если грудь твою покинет небо,—
не проживешь и мига, человек!
Тебе с рожденья став не только крышей,
вновь слышу я классическую ложь:
«Нет правды на земле. Но правды нет
и выше...»
Поверив в это — правду не найдешь.
А правда — в человеческой природе.
И дышит философской глубиной
врожденное стремление к свободе —
космической, небесной и земной.
И разве к людям злобу я питало,
их тягу к небу хороня в золе?
Я крылья им сжигало, чтоб сначала
они свободны стали на земле.
Но вот воздушный шар взлетает гордо,
вот братья Райт по-птичьим взмыть смогли.
А там, глядишь, уже ракету ГИРДа
до стартовой в трамвае подвезли...

Когда же над распятой Хиросимой
ударил грозно барабан судьбы,
я стало понимать, что с вашей силой
мне лучше бы
железным вечно быть!

Ракета

Вот стоит она, статная,
и, как запуска знак,
над площадкою стартовой
красный плещется флаг.
С виду тихая, кроткая.
Дремлет гром в глубине...
Что ж, за точность наводки я
отвечаю вполне.
Мы уходим в укрытие,
счет секундный кляня...
Здравствуй,
к звездам отплытие,
алый парус огня!
Вспорот воздух раскатами.
Ну, родная, пошла!
Будем вечно крылатыми,
как и наши дела.
Ощущение зависти
чую к вам, корабли.
Слово требует запуска,
словно спутник Земли.
...Нету лебеда белого.
Пуст небесный простор.
Пахнет краской горелюю
круглый стартовый стол.

Воспоминания

Мой дружище, мой испытанный товарищ!
Вновь я вспомнил полигоновскую степь,
где мы снегом мылись, ветром утирались,
на «буржуйке» размораживали хлеб.
Керосиновый фонарь чадил, качался.
Был он черен, словно ворон на снегу.

Рисунок Светланы ШИЛОВОЙ

Мы в палаточке про яблони на Марсе
тихо пели под гитару и пургу.
Ледяная ночь слепой была, безбрежной.
Разъяренно ветер полог тербил.
И казалось, что к палатке нашей Дежнев
или Амундсен, быть может, подходил.
Да, казалось. И ничуть не странно это.
Ведь со стартовых, дружище,—
помнишь сам! —
уходили корабли к чужим планетам,
как когда-то шли герои
к полюсам.
А пурга... Она всегда бывает жуткой,
даже в век, когда ракеты вместо нарт...
Что ж, входите, потеснимся у «буржуйки».
...Ночь.
Палатка.
Керосиновый фонарь.

Второй монолог неба

Вам, крылатые сны мужика,
раньше верило я без опаски...
Смотрит ввысь вековая тоска
истуканами острова Пасхи.
Черпаха, киты и слоны
держат землю библийскую в море.
То дремучая ложь старины
или главная из аллегорий?
Мировой океан не гадал,
мне от века дая альбатросов,
что его назовет Хейердал
главной свалкой отбросов.
Как предвестье событий крутых —
умирания глубей и высей,
быются в берег с разгона киты,
жизнь кончая самоубийством.
Черпаха последняя? В суп!
Слон последний? Выламывая бивни...
Что убито в морях и в лесу,
то в себе вы убили.

Прозрение

Молюсь глубине морей!
Молюсь небесам прирученным!
Доктор, прошу, скорей
медленный бинт раскручивай.
Если и в этот раз...
Что ж, мы бедой паленые.
Сняли.
Повязку.
С глаз.
Вижу я... елки зеленые!
Там, за квадратом штор,
день полыхает розово,
словно закаты в шторе
или на зорьке озера.
А за спиной кровать,
ночи кошмаров долги.
Дайте скорей обнять
вас, медсестренки добрые.
Право, хоть в плач, хоть в пляс,
словно тот клен на росстани...
Сняли повязку с глаз.
Вижу поля и озими.
Вижу вас, дальний лес,
с вашим лохматым обликом.
Вижу вас, лик небес,
с белым, как лебеда, облаком.
Солнышко... Благодать!
Люди.
Дома.
Растения...
Жизнь бы за всех отдать,
Жизнь, а не только зрение.

Борона

Земля моя! Ты помнишь много боли.
Набатов гуд. Мечей, шоломов звон.
Прошла пора, когда встречало поле
набеги вражьи зубьями борон.
Но что это? Затвор заморский лягнул.
Вошел в казенник, чавкая, снаряд.
В чужой земле на детские коляски
обломки стен бетонные летят.
Коляска — жесть.
Снаряд — из стали лучшей.
В коляске — жизнь. В снаряде — смерть,
война...
Мне снится сон кошмарный: на Грядущее
неотвратимо
рушится
стена.
И предостерегающе и немо,
как будто возвратилась старина,
над Родиной
удерживает небо
ракетной обороны борона.

Эпилог

Орбита сердца!
Нет сложней орбит.
Она вмещает мир, в него вмещаясь.
Сгорают дни и годы, отдаляясь,
как мощные ступени, отдаляясь,
и с ускореньем наша жизнь летит.
Куда летит? Что может быть страшней
слепцов, поссорившихся за штурвалом?
Но зря ль в веках планета прозревала?
В ошибках и слезах, в большом и малом
мы трудно прозревали вместе с ней.
Но кой-кому такое не с руки,
и оттого уходят в ночь дозоры,
и у парней в ракетных гарнизонах
на синих рукавах комбинезонов
ромбический алетю номерки...
Орбита сердца!
Звездные поля.
И детский смех, и мамыны седины,
окраина моя в султанах дыма...
Единое небо над землей, едино!
Единой стать обязана земля.

**НАВСТРЕЧУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СЛЕТУ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
ВСЕСОЮЗНОГО ПОХОДА КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ
ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННОЙ, БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ
СЛАВЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА.**

У развилки дорог командир натянул повод: «Стой!» Хрипло заржали разгоряченные галопом лошади, отбивая хвостами от лоснящихся потных боков слепней.

— Командир, жарко, можно ослабить ремни?

Микляев ничего не ответил, но подумал, что Шкерин прав — жарко, но скоро село, и войти в него они должны, как положено красным конникам.

Левый рукав дороги скатывался вниз, к ручью, правый терялся в густом сосняке. Привычным движением командир поправил сбившуюся набок фуражку — так, чтобы звезда точно приходилась над переносицей, и тронул коня.

Через пять минут кавалерийский отряд на рысях вошел в Серпиевку.

...От деда в нашей семье остались только редкие его письма да несколько фотографий. На одной из них он снят в кожанке, перетянутой на груди ремнями портупеи, в галифе, улыбающийся и смущенный. Много десятилетий кочует эта фотография вместе с нами из одной московской квартиры в другую, как далекий отблеск яркой и стремительной судьбы одного из солдат революции, отдавшего ей свою молодость и жизнь.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены».

ЭСКАДРОН УХО

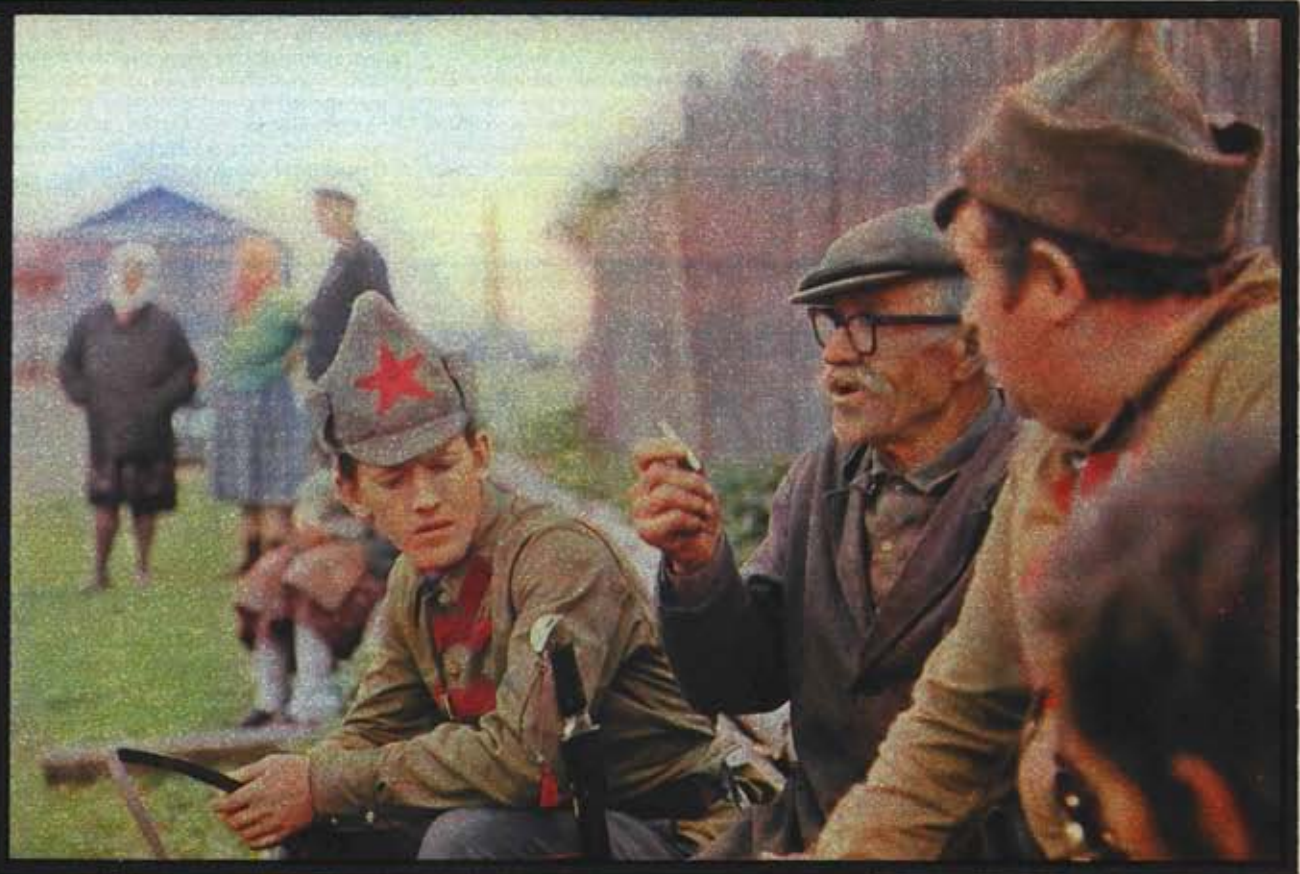
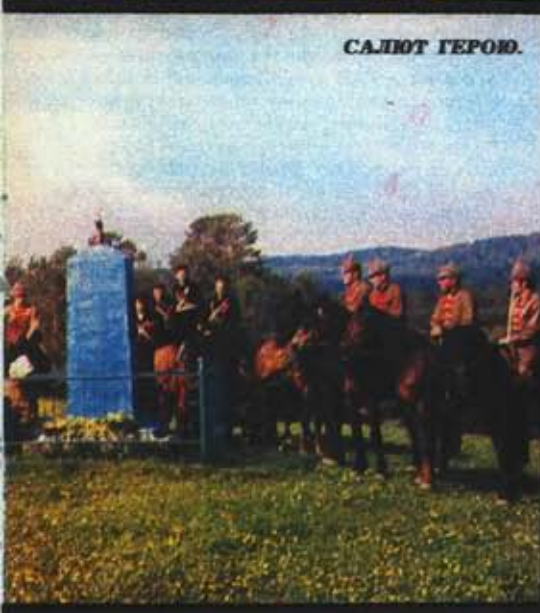
У многих моих ровесников есть такие же фотографии людей в шинелях, гимнастерках или кожанках с перекрещивающимися пулеметными лентами на груди. Фотографии молодых людей, оставивших Советскую власть в боях с Врангелем и Колчаком, Юденичем и Деникиным, защищавших ее от всякой бандитской нечисти. Мы гордились и гордимся их прошлым. А когда говорим о них, то сразу отодвигается куда-то все мелкое, будничное, преходящее. И мы мерим то, что сделано нами самими, мерой тех, кого давно пережили годами, но чья жизнь была и будет символом всепобеждающей веры в торжество наших идей. Это главное и самое высокое из того, что они оставили нам вместе с фотографиями 9x12 и что мы должны сохранить для своих детей, а те — для своих.

А еще, наверное, у каждого из нас с мальчишеских лет была мечта прожить хоть один день их жизнью, чтобы почувствовать ее — не книжную, а настоящую, с ее тревогами и романтикой. И чем старше мы становились, тем острее чувствовали необходимость упрочить свою нравственную связь с временем суровым, яростным, героическим и счастливым.

И вот несколько лет назад по местам

ДИТ В ИСТОРИЮ

САЛЮТ ГЕРОЮ.

«ЭТО БЫЛО В ДВАДЦАТОМ»

скал красное знамя, лужурил на спинах гимнастерки и лохматил конские гривы. Но лишь крепче сжимал древко знамени Сергей Ковширко и прижимались к конским шеям всадники. И вот уже командир прищипорил своего гнедого жеребца, вонзаясь в черную просеку лесной дороги; хлещут ветви по лоснящимся лошадиным бокам и разгоряченными скачкой лицам всадников...

...Как-то я спросил у Валерия Микляева, почему меридиановцы, уходя в поход зимой, не снимают буденовок на маршруте даже в лютый холод и не надевают вместо них меховых шапок?

— Красные кавалеристы времен гражданской войны не возили с собой шапок, так что уж если походить на них, то делать это по-настоящему. Кстати, именно поэтому ребята стараются накануне походов достать настоящей махорки вместо привычных сигарет. Мы на-

В ПОХОДЕ, КАК В ПОХОДЕ.

КОНЦЕРТ.

**У «МАКСИМА» СВОИ
ПОЧИТАТЕЛИ.**

НА ПРИВАЛЕ.

УРАЛЬСКИЙ ЗАКАТ.

рочно ограничиваем свой рацион самыми простыми продуктами — липовый чай, печеный картофель, молоко, каша. В походах учимся джигитовке, стрельбе, проводим спортивные состязания. В результате ребята, прошедшие меридиановскую закалку, как правило, становятся отличными солдатами.

Во время одного из походов отряд сбился с пути и попал в болота. Лошади по брюхо проваливались в топь, резали ноги об острые ледяные кромки, тачанка застряла в глубокой впадине, и вытащить ее обессиленные кони не могли. Началась пурга. По команде Микляева все сбилось в кучу и простояли так несколько часов в плавающей под ними жидкой болотной грязи, засыпанные снегом, замерзающие. Когда пурга кончилась, они пошли дальше, доверив-

«ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ».
ВНИЗ ПО СИМУ.

шись лошадиному чутью. И еще нашли силы въехать в село с песней.

Для них истопили баню, напоили их горячим чаем. Им выделили подводы, и сельский фельдшер потребовал, чтобы они немедленно возвращались домой. А меридиановцы дали тогда один из самых лучших своих агитконцертов и пошли дальше по маршруту.

...Отряд с ходу взял сопку, и в глаза ударила ярко-желтая кипень цветов, осыпавших ровную, как ладонь, поляну от края до края. В центре поляны стоял невысокий памятник, увенчанный красной звездой. Он стоял на самом видном месте и казался выше самых высоких сосен, обступивших поляну, как бесменные часовые. Где-то внизу шелестел меж могучих корней ручей под названием Поперечный; это была первая точка нашего похода.

Спешившись, меридиановцы очищают с боков памятника потрескавшуюся краску, слой за слоем кладут новую, прописывают золотом потускневшие от ветров и дождей буквы: «На этом месте белогвардейцами в 1919 году был расстрелян верный сын рабочего класса, красногвардеец Киселев Иван Василь-

евич». Был расстрелян за то, что не сказал на допросе, сколько сабель в его отряде и с какой стороны ударят на врага красные эскадроны, за то, что любил эту землю. И любя ее, попросил Киселев пьяного есаула расстрелять его на этой поляне, а не у глухой амбарной стены, в лопушиной завязи.

Отряд выстраивается вдоль чугунной ограды и замирает в минуте молчания. Прими от нас, Киселев Иван, счастливых внуков твоих и братьев по классу, это торжественное молчание и эти цветы любимой тобой земли, прими от нас клятву в том, что всегда останемся верны твоей памяти и твоим идеалам.

«В поход!» — поет труба. Седлает коней отряд красных кавалеристов, и летится над полями песня «Там вдали, за рекой...». Эгей, не отставать, поход только начинается, где-то впереди нас ждут села Серпиевка и Аратское, Игнатьевские пещеры — убежище красных партизан, незабываемые встречи с комсомольцами двадцатых годов...

Ровнее строй, товарищ, впереди жизнь, большая, трудная и интересная. Главное, держись в седле крепче, не сворачивай с пути и не вешай голову!

Д а, непрочно, недолговечна слава. И трудно смириться человеку, когда-то ею обласканному, с тем, что теперь она покинула его. В тяжелом пальто с меховым воротником шалью режиссер Максимов стоял возле «рафика», ожидая, когда подойдут остальные члены бригады: его носатое лицо, как обычно, выражало обиженную сердитость.

Организовали эту поездку бюро пропаганды трех творческих союзов: кинематографистов, журналистов и писателей. Пришлось действовать общими усилиями, так как охотников отвлекаться от новогодних приготовлений и ехать выступать в подшефный подмосковный район оказалось немного. В последний момент двое сказались большими, так что наличествовали лишь четверо. Пожилой, когда-то известный режиссер Максимов, нахлывшийся, ушедший подбородком в меховой воротник, — надо заметить, он явился раньше всех, точно к одиннадцати. Худенький, верткий, с болезненным лицом, лихорадочно энергичный, считавшийся модным поэт Алексей Хомский. Грузная дама-журналистка с рассеянной полуулыбкой на сильно напудренном лице. И совсем еще молоденькая актриса, с успехом снимавшаяся в своем первом фильме.

Собственно, все они уместились бы в легковой машине, но прислали «рафик». Расселись по одному у окна. Знакомиться нужды не было, достаточно уж наслышались друг о друге, так что интерес к общению ни у кого не возник.

Ехали молча. Сначала по слякотной бесснежной Москве. Потом по широкой загородной трассе, потом дома городского типа начали перемежаться с низкими деревянными домиками, и можно было наконец осознать, что на дворе зима.

День стоял яркий, солнечный, нарядный. И трудно было не поддаться его открытой радости, не улыбнуться, пусть даже про себя, этой свежей, чистой зиме.

независимости, дерзостной раскрепощенности эти новые современные дети чтят, уважают взрослых. Хотелось верить, что делают они это вполне сознательно, не по принуждению. Так трогательно, наивно — здравствуйте, здравствуйте... Ребячьи лица, ребячьи взгляды. Юная актриса не удержалась, погладила мальчишку-первоклассника по стриженной голове и опустила глаза — застыдилась...

Школьники поглядывали на гостей, их лица выражали откровенное любопытство, но при этом они отнюдь не казались бесцеремонными, навязчивыми — нет, в меру воспитанные, живые, здоровые дети. И даже самые старшие из них все еще оставались детьми. Потому как школа, что ни говори, не только ограничивает, запрещает, но и оберегает, защищает своих питомцев — и эта опека кончится, как только они вступят во взрослую жизнь.

И, вероятно, оттого, что они, эти дети, сейчас не знают, не могут знать, что их ждет впереди, — оттого что вот почти взрослые, но все еще дети, дети! — тревожно и вместе с тем радостно глядеть на них и хочется им что-то важное, серьезное сказать, а может, иначе: что-то от них самих услышать.

Потому что были эти дети другими.

И неизвестно, чье любопытство сильнее: детское — к неведомой пока жизни взрослых, или взрослое — к тому, что сами вроде прошли, но забыли, и вот это снова возобновилось уже в другом поколении, похоже и в то же время иначе, и как эти перемены угадать!

Но их чувствуешь...

...Школьники рассаживались в актовом зале, а гости за поставленный перед сценой стол, без зеленого сукна, гладкий, полированный, с вазочкой цветов и змеиной головкой микрофона. Стоявшая в углу уже наряженная елка пахла, напоминая: скоро Новый год.

Присутствовали только средние и старшие классы. По их оживленным лицам можно было догадаться, что приезд гостей избавил их от контрольных, особенно опасных в конце первого полугодия, и такая оттяжка явно радовала всех.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

РАССКАЗ

СЛЕД НА СНЕГУ

У здания райкома остановились, потоптались по хрусткому снегу, глотнули морозный воздух, но времени терять, увы, нельзя. И они покорно, организованно поднялись друг за другом по лестнице на второй этаж в приемную первого секретаря, где их, конечно же, уже ждали.

На длинном столе, образующем вместе со столом первого секретаря букву «т», стояли тепличные гвоздики, вазы с яблоками и бутылки минеральной воды.

Режиссер Максимов как вошел, так сразу откупорил бутылку и жадно выпил. Грузная дама-журналистка, немного помедлив, решила очистить яблоко. Молодая актриса сидела, ссутулив худую спину, с грустным, отрешенным лицом, еще, по-видимому, не отойдя от недавно сыгранной роли. И только новая роль могла бы ее спасти, освободить от прежнего образа: себя саму — актриса уже успела забыть. Да, новая роль — только в этом было спасение...

Что касается верткого, считавшегося модным поэтом, то он, сосредоточенно глядя перед собой, курил.

А первый секретарь тем временем, взяв указку, обвел на карте Подмосковья район, сообщил краткие о нем сведения, показатели успехов, взятые обязательства. Дама-журналистка вынула блокнот и что-то записала. Актриса еще больше скорбилась. Поэт загасил сигарету. Режиссер воду больше не пил.

— Товарищи, — обратился первый секретарь к присутствующим, — если не будете возражать, нам бы хотелось, чтобы в первую очередь вы посетили школу. Для детей, конечно, большая радость увидеть своими глазами вас — гордость нашего искусства. Согласны?..

Шум задвигаемых стульев — все поднялись, направились к дверям. Дамам галантно подали пальто: Дамы прошли вперед, мужчины за ними...

Четырехэтажное здание школы, с прекрасным спортивным залом, мастерскими, специально оборудованными кабинетами — да, было чем гордиться.

В раздевалке на первом этаже отсутствовала традиционная нянечка — средоточие всех школьных новостей. Каждый ряд вешалок начинался с таблички: класс такой-то. Шубки, курточки, капоры, шапки-ушанки — добротная ребячья одежда, а у старшекласников уже и модная. «Нас так не одевали», — мельком подумали гости, принадлежащие, надо сказать, к разным поколениям.

А когда по звонку из классов высыпали учащиеся, гости, глядя на них, опять подумали: «Мы были другими».

Другими, ну, скажем, внешне. Не было, к примеру, такого количества длинных, стройных ног, а может, просто не носили таких коротких юбок? А теперь, значит, в школе так разрешают — бегут по лестнице, как балерины в пачках, а завуч стоит как ни в чем не бывало. И у всех аккуратная красивая обувь. Почему-то именно здесь, в школе, эти перемены бросались в глаза, хотя то, что люди стали гораздо лучше, со вкусом одеваться, давно известно. Но школа — совсем другое. Она осталась в памяти как нечто законсервированное, неизменное: надоевшее неудобство ученической формы, внушенный, хотя, возможно, и справедливый, приказ ничем внешне не выделяться, узаконенное однообразие, неуют всего вокруг.

А тут стены были украшены веселыми детскими рисунками. И на одном из этажей вроде зимний сад и клетка с канарейкой. И синие, красные колготки первоклашек. Их румяные физиономии, апельсинно-мандариновый запах — оранжевые корки, брошенные в урну на ходу. Благополучное детство...

— Здравствте, здравствте... — Детские голоса, как брызгами, обдавали стоящих посередине вестибюля гостей. И было приятно думать, что при всей своей

Зал был полон. Интересно, если бы встречу эту организовали по окончании уроков, кто бы из них пришел? А впрочем, к чему такие вопросы?..

Директор и завуч, средних лет женщины, с округлыми домашними лицами, в сапожках на полных ногах и пухлявеньких джемперочках, с привычной обеспокоенностью оглядывали зал. Сравнить их лица с лицами ребят, сидящих в зале, — и взаимоотношения между ними открывались с полной наглядностью.

Школьное начальство, которое в данном случае представляли две эти женщины, на опыте уже, видно, осознало, что когда-то непоколебимая их власть в нынешних условиях вынуждена идти на некоторые уступки. Да, современные дети достаточно информированы о новых методах воспитания и ждут индивидуального подхода к себе, спокойно и даже слегка иронично наблюдая, как же этот подход будет осуществляться. Впрочем, они вполне доброжелательны, ведь новое, им объяснили, не сразу находит верный путь. И потому они готовы указать своим воспитателям на ошибки, помочь им их исправить, то есть вовсе не держать в тайне свое личное мнение.

Ожидая встречи с живыми писателями, режиссерами, артистами, они тоже были настроены в целом благожелательно — тем более во время уроков, — но не восторженно, без слепого восхищения: ждали, что им могут предложить.

Смотрели на гостей, и те на них смотрели.

В первом ряду, решившись усесться вдвоем среди пустующих стульев, шептались две подружки. Лет, наверно, пятнадцати. Юбки чуть прикрывали бедра, и ноги в тонких чулках были выставлены на всеобщее обозрение. Было странное несоответствие этих женских ног, женского, уже осознанного кокетства, некоторой даже развязности с ребячьими, наивными, казалось, ни о чем дурном, грубом, взрослым и не ведающими лицами.

А чуть подалее, обхватив себя руками за плечи, сидела одна, хотя и в соседстве, некрасивая девочка с суженным к подбородку, нервным, напряженным и в то же время рассеянным, отстраненным от всего вокруг происходящего лицом, далеким взглядом небольших серых глаз — и в ней уже сейчас угадывался непростой характер и непростая ее, вероятно, в дальнейшем судьба.

Бывает, что такой вот мимолетный, но внимательный взгляд на человека точнее определяет его внутреннюю суть, чем ежедневное небрежное общение. И доверяешь своему чутью, пророчеству, потому что эти дети смутно напоминают кого-то из знакомых, уже сложившихся взрослых людей — и вот такой зародыш характера, эмбрион будущего, собственная память, воображение дополняют уже известными чертами, и видишь полный образ того, что осуществится, вероятно, через много-много лет.

Хотя, конечно, возможны ошибки.

...В зале мальчишки еще отмежевывались от девочек — заняли последние ряды. И среди них, рослых, широкоплечих — как же, акселерация! — выделялась, ломая ровный ряд, посаженная на узенькие плечи большая голова горбатого мальчишки.

Какими бы ни были смысленными, почти как у взрослых, лица сверстников, его лицо останавливало на себе внимание особенным выражением печального превосходства, трагедии, может быть, им пока до конца и не пережитой, не осознаваемой, но о которой уже знало, говорило его лицо. И глаза, прозрачно-светлые, огромные...

Но вот кто-то из приятелей наклонился к горбату мальчишке, и тот, живо обернувшись, выхватил у соседа журнал — и началась между ними возня, и ясно, что чувствовали они себя друг перед другом совершенно на равных, и эта детская

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

забывчивость к недугу, к несчастью, оказывается, важнее и гуманнее подчас сознательной, продуманной деликатности взрослых.

...— Дети! — произнесла директор. Но они будто не поняли, что это к ним обращаются. — Товарищи, друзья, — директор возвысила голос, — сегодня у нас в гостях...

Она передала микрофон режиссеру Максимову, показавшемуся ей, вероятно, по виду самым маститым.

А он маститым не был, был просто старым. Хотя одно время его считали... Но не стоит об этом, зачем?.. Он успел уже привыкнуть к скрытому в подчеркнутой вежливости пренебрежению своих коллег и даже на них не обижался: свою ставку он проиграл. Проиграл по всем, так сказать, правилам, справедливо, потому что мал оказался его талант, сгодился лишь на короткую вспышку. Но она озарила всю его жизнь. Он помнил, он любил вспоминать то время...

А сейчас у него были дети, внуки, дом, семья, и, признаться, он нашел себе там утешение. Он вовсе не относился к тем желчным, снедаемым постоянным неудовлетворением неудачникам, которые не способны уже ничему радоваться, ничем увлечься, раз их покинул успех. Он знал, как непрочно, недолговечна слава, если ее не поддерживать все новыми и новыми доказательствами, и как нелегко человеку, когда-то ею обласканному, смириться с ее отсутствием. Но надо найти в себе все же силы, мужество достойно продолжать жизнь.

Продолжать ее в детях, внуках, продолжать тем, что все еще чувствуешь, радуешься весне, зиме, что сам в себе горд своей дисциплиной — никогда никуда не опаздываешь — и что тебе многое-многое еще интересно, ты до сих пор остался и любопытен и доверчив — возможно, это награда за то, что в другом тебе не очень-то повезло.

Максимов всматривался в детские лица. Ему казалось, они подтверждают сейчас его мысли, его правоту. Он чувствовал к ним близость, как человек заинтересованный, как отец и дед, как тот, кто сердцем вобрал эти кровные родственные человеческие узы.

И когда он поднялся и как бы приблизился к залу, то почувствовал, что взволнован...

...Оказалось, что тот его единственно удачный фильм ребята видели: может, по телевидению в передаче «Киноленты прошлых лет» — неважно. Они помнили, знали сюжет, героев, и это ему показалось чудом. Он уже привык, что память у людей слаба и напоминать им о себе надо постоянно, иначе забудут. А тут будто очнулся он по прошествии многих веков, и потомки его встречают: знаем, видели...

А кто, собственно, может сейчас угадать, какие из современных творений удержатся в тысячелетиях? Только ли те, что с нашей сегодняшней точки зрения более всего достойны, или по неожиданной игре случайностей отзовется в будущем то, что современники сочли весьма поверхностным, второсортным, а это как раз и удостоится вечности, что, если так, а?.. Ведь в самом деле, как порой приблизительны сегодняшние оценки, высказываемые отнюдь не всегда беспристрастными людьми! И что, если с точки зрения вечности взглянуть на себя — дух захватывает! Нет, какая тут мания величия — вы не так поняли... Просто то, что нам, ныне живущим, порою кажется выдающимся, может, если взглянуть с высоты, уложиться в общий довольно унылый пейзаж. А может, напротив, потомки окажутся снисходительней — взглянут на нас, и покажемся мы им не так уж плохи, а?..

Что, если, а?.. Максимов, прищурившись, глядел в зал. Волнение ушло, и появилась радость, называемая у артистов вдохновением, когда чувствуешь благодарное внимание слушателей и всего себя готов им отдать. Но, пожалуй, состояние Максимова следовало бы определить словами попроще, как бы он сам о себе сказал: «Я доволен». Да, и этого вполне достаточно.

Максимов мельком взглянул на своих коллег: а может, мы покажемся им не так уж плохи?..

Он сел, пытаясь скрыть свою счастливую улыбку, постепенно успокаиваясь от пережитого, в то время как начал говорить поэт.

С его стихами, как выяснилось, школьники тоже были знакомы и даже знали некоторые наизусть. А когда оказалось, что они и фильм с участием молодой актрисы посмотреть успели, совсем недавно вышедший на экран, у Максимова зародилось подозрение.

Настал черед дамы-журналистки. О ее творчестве школьники опять-таки были наслышаны, чему она явно обрадовалась.

Максимов сидел нахохлившись: ему трудно было так сразу расстаться со своими надеждами, с радостью, которую только что пережил. Но вот он случайно взглянул на директора и завуча, на их лица, сияющие гордостью, торжеством, и грезы его окончательно рассеялись.

Да, эта встреча была отлично организована. И школьники не подвели: выучили сведения о каждом из гостей и блеснули своей осведомленностью. Нельзя, конечно, не отдать должное их артистизму, свободе, естественности, с которой они провели свою роль, а также и педагогической режиссуре.

Директор и завуч выглядели именинниками. Гости, довольные, улыбались. Максимов тоже. Но что-то давило в груди — обида, в которой стыдно, невозможно было никому признаться. Обида на самого себя, на свою наивность, доверчивость, иными словами, глупость, а уж пора бы было стать построже, поосторожнее, пора...

И еще... То, что он только что пережил, во что почти поверил, всколыхнуло в нем прежнее, что, ему казалось, он в себе уже преодолел. И подумать только, произошло это на обычном школьном утреннике! Его подняло, закружило, он почувствовал то когда-то знакомое опьянение, в котором видишь себя как бы со стороны, и сам собой втайне любишь, и ощущаешь неведомую раньше свою ценность, исключительность — как бы ее донести, не обронить. И это чувство было не просто пустым бахвальством — нет, гораздо, гораздо сложнее: оно давало силы, энергию, вдохновляло, и...

...И стыдно... Не столько даже оттого, что обманули, а оттого, что не было права так глядеть на себя, даже если бы другие уговаривали, уверяли — нельзя поверить, нельзя давать себя провести. Почему такая слабость, податливость? Неужели нет тут противоядия? Ведь неизбежно разочарование: очнешься и поймешь — сон это был, обман...

...Максимов шел к ожидающему у ворот школы «рафику». Шел по свежему, только что выпавшему снегу, жалея, что приходится портить его ровную белизну. Шел не оглядываясь, чтобы не видеть грубые отпечатки рифленых подошв своих ботинок — свой корявый след. Шел в той редкой, предшествующей иногда озарениям, открытиям углубленности, которой кое-кто мог бы позавидовать. Но сам Максимов был так поглощен своими мыслями, что не думал, не интересовался, как он выглядит сейчас со стороны. Впереди лежал белый, белый снег, и он шел туда уверенно, все вперед и вперед, будто назад ему уже никогда не предстояло возвращаться.

НЕМАНСКАЯ НИТЬ

ПЕЧЬ,
ГДЕ РОЖДАЕТСЯ
ХРУСТАЛЬ

«Пою перед тобой в восторге похвалу
не камням дорогим, не злату, не
стеклу!»

М. В. ЛОМОНОСОВ

Название у этого белорусского поселка лесное и совсем не современное — Березовка. Лежит он в стороне от железной дороги и от автомобильных магистралей, посреди заповедного леса, в котором, правда, больше елей и сосны, чем березы. Раньше, говорят, было наоборот, потому и назвали поселок Березовка, но постепенно берез становилось все меньше и меньше, так как скоростными темпами рос и развивался основанный в этих краях еще в прошлом веке стекольный завод, для топки печей которого и вырубали белостовольную красавицу. Тонкое, изящное дерево нужно было заводу в больших количествах, чтобы выпускать столь же тонкую и изящную продукцию — изделия из стекла. Сейчас стекольный завод «Неман», взявший свое название от раздольной реки, протекающей поблизости, перешел на газ, вырубку прекратились, и молодые, стройные березки, освещаемые в сумерках огнями печей, смело заглядывают за заводской забор, радуя березовцев своим видом.

Когда впервые приезжаешь на завод, где делают стеклянные изделия, тебя не покидает ощущение, будто попал в какой-то нереальный мир. Как в хорошо поставленном цирковом аттракционе, в ловких руках иллюзиониста «из ничего» появляются аквариумы с рыбками или десятки разноцветных платков и шалей, так и здесь, прямо на твоих глазах по воле художников и стекольников происходят вол-

шебные превращения расплавленного стекла в изумительные по своей красоте вазы, бокалы, кубки, декоративные вещи. Чудо, да и только. Да ведь и само открытие стекла иначе, чем явлением во всех отношениях необычным, не назовешь. Потому что впервые, причем совершенно случайно, сверили стекло финикийские купцы, перевозившие через Средиземное море соду. Однажды вечером, гонимые сильным ветром и высокой волной, они вынуждены были пристать к пустыльному берегу. Чтобы ночью огонь, разожженный прямо на песке, не задул ветер, с корабля принесли куски соды, которыми и обложили со всех сторон костер. Рано утром финикийцы увидели в углях что-то прозрачное, плоское, словно блюдо, которое сверкало в лучах солнца, и звенело, когда, прищипывая языками от удивления, они стали постукивать по нему костяшками пальцев. То было настоящее стекло, рожденное от соединения песка и соды с огнем.

Красивая эта легенда существует уже более трех тысячелетий, и потому сейчас нам кажется, что стекло было всегда. Мы настолько привыкли к нему, что порой даже не воспринимаем по достоинству ту красоту, которая заключена в художественных произведениях из стекла. А в том, что это именно художественные произведения, убеждаешься, когда смотришь на изделия с маркой Березовского стекольного завода. Невольно вспоминаются лесковский Левша и два его товарища, которые не только ухитрились подковать стальную «аглицкую» блоху, но и еще кое-что «сверх всякого понятия сделать» — на подковках и на гвоздях свои имена поставить. На «Немане» есть вещи, сделанные тоже «сверх всякого понятия». И одним из создате-

Борис ДАНИУШЕВСКИЙ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

лей этих вещей является молодой мастер-художник Анатолий Федоров. У Константина Паустовского есть рассказ «Стекланный мастер». Повествуется в нем о молодом стекольнике, живущем одной заветной мечтой: когда-нибудь отлить из хрустала маленькую рюмку, которая «светиться должна и звенеть». К сожалению, осуществить эту свою мечту мастеру так и не удалось: семейное несчастье надолго отлучило его от дела.

Мне известно, читал ли Анатолий Федоров этот грустный рассказ, но в противоположном, что, еще только начинал работать на заводе простым стекольником, он тоже мечтал создать из стекла что-нибудь необыкновенное. И когда Анатолий почувствовал, что в совершенстве овладел всеми секретами мастерства стекольника, он решил попробовать себя в художественном творчестве, для чего на время оставил цех и занялся самообразованием.

Нет ни одной книги про стекло, фарфор или керамику, которые бы он не прочитал, нет ни одного заводского музея, в котором бы не побывал. Но больше всего времени он провел в запасниках Эрмитажа, где собрана богатейшая коллекция стекла разных эпох и школ, начиная от самой древней — египетской и кончая самой знаменитой — венецианской.

В то время на «Немане» уже широко пользовались шиксульфидным стеклом, изобретенным в конце 50-х годов. Добавление его в хрусталь дает всю гамму опалового цвета — от совершенно прозрачного до плотных, непрозрачных желтых и красных тонов. С помощью этого материала Анатолий создавал изделия, которые были бы не только красивы, но и функциональны. Художественности в них, конечно, особой не было, но именно они-то и подтолкнули Федорова к идее применить шиксульфидное стекло в другом качестве — в качестве декора, то есть использовать его способность давать ясно читаемый рисунок. Рисунок же у него был тотальным: давно хотелось зашептать в декоративном стекле «живые» им цветы, повторить кружеванную или вышитую мастерицей передачу архитектурной строгости и композиционную выразительность древних памятников культуры.

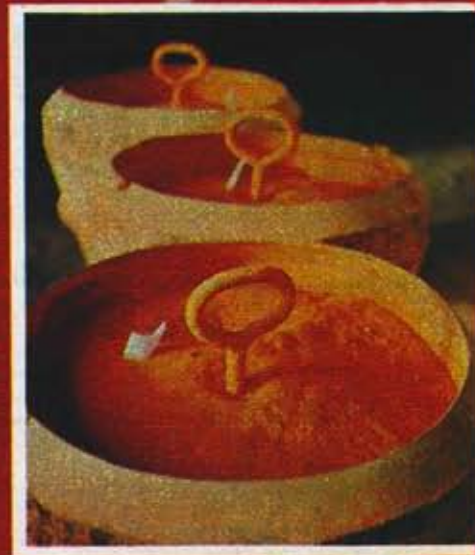
Анатолий попробовал нанести шиксульфидное стекло так, чтобы оно легло на стенки хрустальной вазы тонкими горизонтальными полосами. Пока эти полосочки выжигались на стекле, он специально изготовленные крючки открутил из вазы и вставил в щель вазы. Когда вазы остыла, он ей выровнял, красивые бело-голубые горизонтальные полосочки по стенкам. Новый цветовой эффект, полученный таким способом, сразу привлек внимание специалистов, а декор, украшающий теперь изделия Федорова, стал называться «неманской нитью».

Неман вообще в творчестве мастера играет видное место. В выходные Анатолий очень любит встречать зарю на его берегу. В эти ранние утренние часы на реке неправдоподобно тихо. Нет ни купающихся, ни рыбаков. Солнечные лучи только начинают вырываться из-за вертушек елей и ложатся на гладь воды. Здесь, на берегу реки, среди зарослей ивняка и липы, высятся вековые, таинственные сосны и ели, раскидистые ветви которых закрывают полнеба над головой. Виску плавно несет свои холодные синие волны Неман. Вот эта тихая, словно пробуждающаяся красота окружающей природы и навеяла Анатолию однажды рисунок набора из четырех предметов под названием «Цветок», за создание которого он получил на Всемирной выставке стекла и фарфора в Яблонце-на-Ниссе (ЧССР) высшую награду — Гран-при.

Секрет столь громкого успеха, вылаившего на долю создателя «Цветка», в том, что образы родной природы, преобладавшие в сознании художника, стали образами искусства. Когда смотришь на блюдо из бесцветного стекла, отделанное тщательно филигранным рисунком, кажется, будто этот рисунок не есть результат прикосновения руки мастера, а отпечаток настоящего цветка. На лепестках заметна мельчайшая прожилка, которая тончайшим образом повторяет контур, где есть и прожилки в тычинки. И уже кажется, что не художник, а сама природа создала это прекрасное по своему колориту, выразительности и простоте изделие.

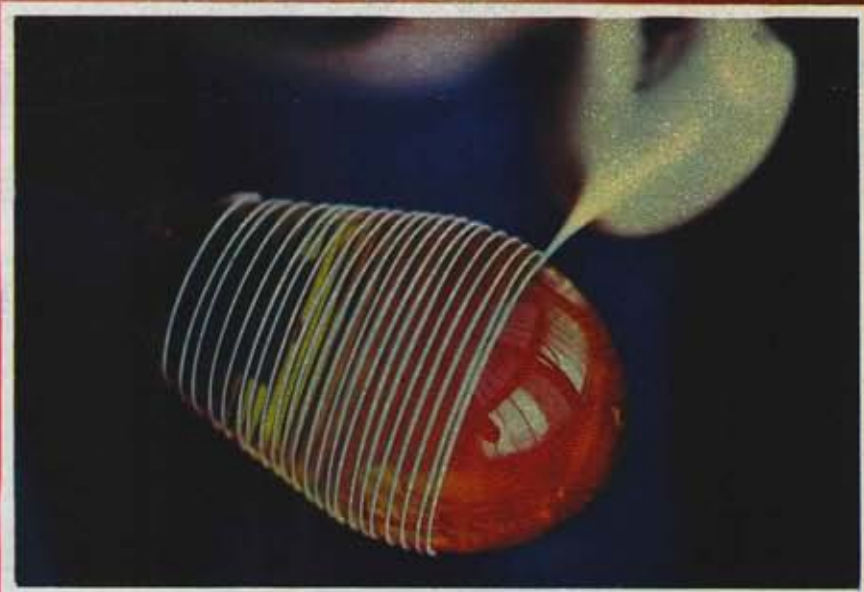
У Федорова, в сущности, художнико-самоучка, несомненно развито чувство прекрасного. Причем удивляет то, что, задумывая какое-то изделие, он не пользуется, как другие художники, ни набросками, ни эскизами. Он знает, как это так.

Сюжетные на IV обложке

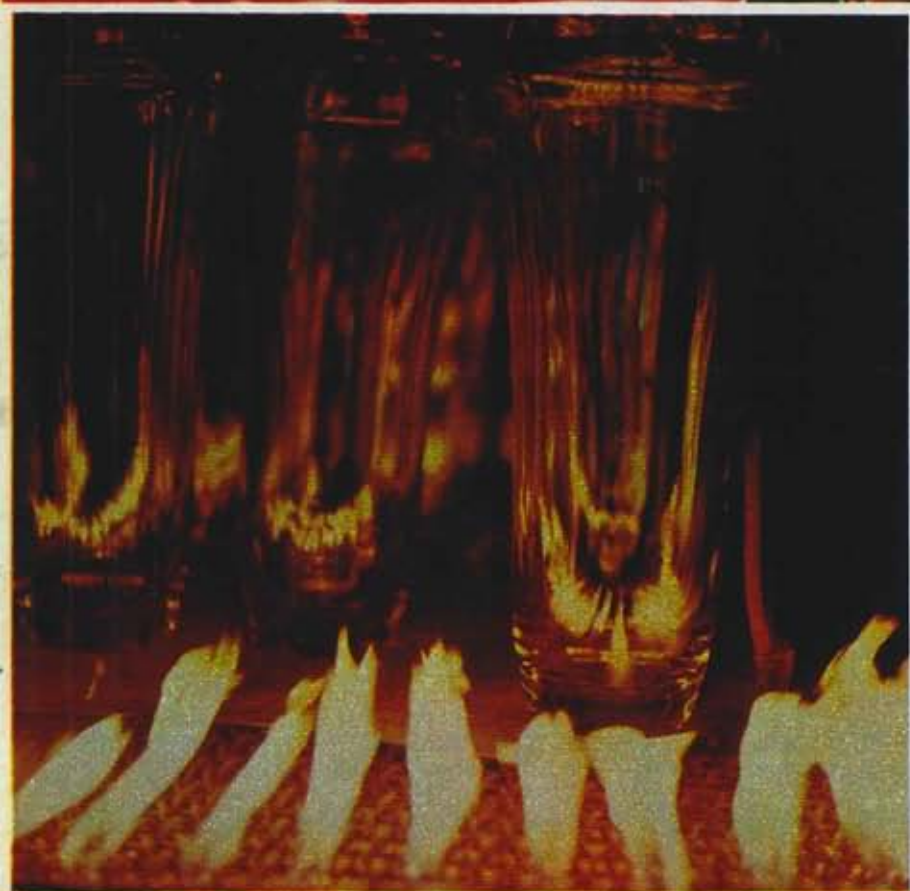
МАСТЕР-ХУДОЖНИК
АНАТОЛИЙ ФЕДОРКОВ
С ГРАН-ПРИ
ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ
СТЕКЛА.

БЕЗЫЕ КАНАТКИ
ПРИКУЛЬФОНДА
ПРЕВРАЩАЮТСЯ
В «НЕМАНСКУЮ НИТЬ».

ЛЕГ — ДВИЖУЩАЯСЯ НЕЧЬ ДЛЯ
ОХЛАЖДЕНИЯ ГОТОВЫХ ИЗДЕЛИЙ.

ПОРЦЕЛАНОВАЯ СМЕСЬ,
ИЗ КОТОРОЙ ВАРЯТСЯ СТЕКЛО.

СТЕВАН ГРАНИН
АВТОРА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В школе я увлекалась литературой, писала стихи. Куда поступать, не знала, но думала: в гуманитарный. Однако дома настояли на своем: только в технический, инженеру легче устроиться, да и конкурс поменьше.

К сожалению, я поступила. Но заниматься нелюбимым делом оказалось невмочь. И я решила: уйду.

А дальше случилось вот что. Узнав о моем решении, все, кто был рядом, отвернулись от меня. Родители моих друзей стали внушать своим двадцатилетним детям, что общение со мной к хорошему не приведет. Домашние взялись за изучение причин моего ухода из института — были перечитаны мои письма, дневники, опрошены знакомые: не может быть, чтобы я просто так опозорила их в глазах людей. И никто, буквально никто не хочет понять меня... Что мне делать? Остаться и тем самым признать, что я нуль, пешка, куда поставили, там и стой? Или все же бороться за себя? Но как? Как?

Нина СОРОКИНА

**ЭКСПЕРИМЕНТ
КОРРЕСПОНДЕНТА**

Еду к Нине, чтобы на конкретной судьбе проследить истоки той болез. и, что, пожалуй, точнее всего назвать «вузовской лихорадкой».

Поезд отстукивает километры, дорога располагает к разговорам. И тут я подумала: а почему бы и нет? Поговорю с людьми, заручусь их мнением, проверю свои предположения. Люди тут едут самые разные, так что из всех общественных мнений буду иметь «самое общественное».

— Извините, пожалуйста, я из редакции...

Даю письмо, прошу посоветовать что-то. Мелькают вагоны, мелькают лица, но всюду слышу похуже:

— Вот она, расплата. Дорога в вуз не возбраняется никому. Есть у тебя интерес — иди. А нет — останись!

— Приковать себя на всю жизнь цепями диплома к нелюбимому делу?

— Родители, родители... Они думают только о престиже своего «дитяти»...

— И чего ломиться в вуз? Нет бы годок-другой поработать — приглядеться, выбрать. Знаете что? На БАМ посоветуйте этой девушке съездить...

Попутчики легко находили убедительные слова, веские аргументы. И было все яснее ясного — им, мне.

Ответ, истина лежали как на ладони, и оставалось только удивляться, отчего теряются многие (я знаю это по громадной абитуриентской почте), отчего в смятиении Нина.

Выяснить это я не сумела, командировка оказалась

неудачной. Нина из города уехала — не выдержала. И мне тоже ничего не оставалось делать, как возвращаться обратно. И снова стучали колеса. Попутчики жарко беседовали друг с другом — так разговаривается только в поездке: никогда больше ты с человеком не увидишься, никто тебя не знает, ничем не попрекнет.

Мои же прошлые собеседники не были так жадны до разговора. Я ни у кого не спрашивала адрес, фамилию, имя даже, но, может быть, все равно... они ответили корреспонденту?

И тогда я стала Ниной:

— Не знаю, с кем и посоветоваться. Родители заставляют меня поступать в московский вуз. Еду разузнать, куда бы... Только не уверена: нужно ли? Желания-то большого нет...

Ответы оказались неожиданными. И я решила привести наиболее типичные из них. Не мне это нужно, может быть, кому-то окажется полезным. Сейчас, когда столько писем все о той же «вузовской эпидемии», когда столько вопросов, разговоров, ошибок...

**КУПЕ ПЕРВОЕ:
«УЧИСЬ, ЗАМЕТНАЯ БУДЕШЬ»**

Девушка, вскинув на меня глаза, тут же снова уткнулась в журнал, те двое, что постарше, предложили пирога домашнего и плотно уселись слушать.

— Родители зла не пожелают. Поступай, не противься...

— Но для чего?

— Человеком будешь. Я тебе свою историю расскажу. Всю жизнь в больнице няней проработала. Даже со шваброй — и то в белом халате ходила. Потому каждой из трех дочек говорила: «Иди на врача. У меня не вышло, хоть ты любимой мамкиной работы отдаешь. Все к тебе с уважением, руки всегда чистые, работа аккуратная. Жизнь сегодня красивая — зачем же в ней на задворках?»

— Да, жизнь теперь совсем другая, — поддержала ее соседка. — Я вот замуж выходила, из имущества один матрац был, а теперь у каждого гардероб, диван-кровать, сапоги-чулки... Один перед одним старается. Вот и институт: все соседи вокруг умные, образованные, что же ты — хуже других?

— Так ведь институт не модная вещь, не сапоги-чулки?

— Я и не равняю. Это раньше по одежке встречали, а теперь — по образованию. Вон девушка сидит: наверно, образованная. Это сразу видать.

Девушка отложила журнал и пожала плечами:

— Не в том дело, как для других выглядишь, главное, как сам себя ценишь. Безусловно, человек с

высшим образованием чувствует себя много уверенней.

— Может, я чего не понимаю, — сказала я, — но никогда не чувствовала себя ниже «дипломированных». По-вашему, рабочий, уступая инженеру в образовании, обязательно уступает ему и во всем остальном?

Ответом девушка меня не удостоила. Скосив глаза в ее журнал, я узнала, что в нынешнем сезоне в моде вещи синих тонов. А значит, люди, на чьей груди нет столь модной детали времени, как «поплавок» в этих самых тонах, девушке просто неинтересны...

**КУПЕ ВТОРОЕ:
«УЧИСЬ, ГОРОДСКАЯ БУДЕШЬ»**

Бабушка, мать, дочь и сын — не одна семья, но вот собрались в купе вместе, так что, считай, семейный разговор.

— Какая же мать не желает счастья своему ребенку? — спросила мать. — А что для девушки счастье? Муж хороший: чтоб жизнь культурную устроить мог. Вот и поступают в институт. Ты не улыбайся: где еще с воспитанным молодым человеком познакомиться, как не в институте?

Дочь, сидевшая напротив, покраснела:

— Ну зачем же замуж? Не обязательно. Главное, чтоб в город уехать. Вот у нас в селе сразу же после выпускного все снимаются с места: парни, девчата — и кто куда... Только бы из этой глухомани удрать.

— Город тоже может быть глухоманью, — подумала я вслух.

— Это что с чем сравнивать! — горячо возразила девушка. — Для сельского человека и райцентр — столица, а райцентровские в область норовят. Разве ж зазорно к лучшей жизни стремиться?

Сын эту мысль, по сути, продолжил. Он тоже говорил о рывке, скачке, безболезненном и легком переходе в иное качество. Не социальное уже — интеллектуальное.

— Нигде, кроме как в вузе. В крайнем случае — в техникуме. Там и только там возможности роста ума, таланта.

— Но, во-первых, — сказала я, — сколько бездарных специалистов выпущено вузом? А во-вторых, не похоже ли это на мечты усталого горожанина о сельском уединении, который надеется очистить там душу, стать лучше, благороднее, талантливей? Не от места зависит...

— Послушайте, девушка, — перебил меня парень, — а вы случайно не разыгрываете меня? Вы и в самом деле никогда не были студенткой?

«Рассекретиться» я не успела — спасибо бабушке.

Литературный глобус «Смены»

Хосе Феллман ВЕЛАРДЕ

ДЕЗЕРТИР

РАССКАЗ

Над Тибурсио Колке нависла смертельная опасность, но сам он не имел об этом ни малейшего представления.

Дело в том, что рядовой Тибурсио Колке дезертировал из армии — прямо с передовых позиций¹.

В ожидании прибытия военно-полевого суда задержанного Тибурсио посадили под стражу. Никто не сомневался, что решением трибунала дезертир будет расстрелян. Никто, за исключением самого Тибурсио. Глубоко убежденный в своей правоте, он твердо верил: рано или поздно все разъяснится.

Тибурсио был очень удивлен, когда недалеко от деревушки Вилья Монте был остановлен нарядом патруля и сержант потребовал предъявить документы. Какие у него документы? Что он мог показать? Патрульные стали кричать на него, а потом, толкая прикладами, пригнали обратно в часть.

¹ Речь идет о войне 1933—1935 годов между Боливией и Парагваем, спровоцированной империалистическими монополиями США и Англии.

Справедливости ради следует сказать: в принципе он, конечно, знал, что нельзя самовольно оставлять свой полк. Но случай был особый, и Тибурсио свято верил в свою правоту... К тому же какую роль мог сыграть уход одного стрелка? Таких, как он, в армии тысячи. А потом, он ведь не взял с собой ничего чужого. Ну разве только военную форму... Но тут он тоже не виноват — другой одежды у него просто не было.

Среди солдат нового пополнения один был из той же деревни, что и Тибурсио. Он-то и сообщил о смерти коровы. Может быть, для кого другого это событие может показаться незначительным. Только не для Тибурсио.

Когда год назад за ним пришли прямо в хижину и забрали в армию, дома остались старая мать, маленький каменный участок земли, где они собирались посадить картошку, и корова. Если умерла корова, значит, должна умереть и мать. Тибурсио не успел вскопать участок и засадить его картошкой, а без него это сделать некому. Надежда была только на корову...

Тибурсио Колке сообщили, что его будет судить военный трибунал. Эта новость вызвала у подсудимого радость: вот теперь-то начальство во всем разберется!

САМИ МНЕНИЯ

Все это время она сидела молча и все кивала головой, и не ясно было, то ли соглашается она, то ли сопротивляется. И вдруг вступилась:

— Ой, господи! Что же такое вы тут говорите? Институт, техникум, да в том ли счастье? Человеку мир, покой нужен, а уж откуда он придет — из вуза, нет ли — его печаль. Работа по сердцу нужна: чтоб в доме тепло было, чтоб ты, дочка, детей рожала да каждому дню радоваться умела — тут вот счастье ищи... А ежели человека город тянет, он и без диплома туда уедет; кому ж деревня мила, тот и после института в колхоз воротится. Ей ведь, скажу я тебе, душе, все едино — с дипломом она или без. Вот пусть сама и выберет. Прислушайся, доченька, к ее совету...

Младшие со значением переглянулись. Я не буду приводить ответов. Вы и сами понимаете: «дню радоваться, детей рожать» — сколько можно найти аргументов против...

КУПЕ ТРЕТЬЕ:

«УЧИСЬ, МОЛОДАЯ БУДЕШЬ!»

Он решительно отказывался меня понимать:

— Соображай! Вот я — студент и сам себе завидую. Ровесник мой на заводе уже вкалывает, а моя работа — книги читать. Что приятнее, скажи? И потом с него за его работу «стружку» снимают, а я весь в обещаниях; что там через пять лет будет — увидим. А сегодня — хочу учусь, хочу нет. К сессии подналег, и нет проблемы... Да нет, о чем тут думать: вокруг ровесники — веселье, умные. Споры за полочки, походы, вечера — нигде их таких нет, как у студентов. Потом еще вот что: занят ты в вузе делом, которое давно хорошо знаешь, — учебой, имею в виду. Так что самое милое дело: из-за школьной парты — на студенческую! Чего с наезженной колеи съезжать? Хочешь на пять лет продлить молодость? Хочешь годов, что всю жизнь вспоминать любо-дорого, тогда не задумывайся...

— Как же не подумать, если за эти пять лет красивой жизни весь век потом расплачиваться?

— Чего расплачиваться-то? Выбери себе какой-нибудь женский вуз и топай. Педагогический, например.

— Но не люблю я этого...

— А ну тебя...

КУПЕ ЧЕТВЕРТОЕ:

«УЧИСЬ, НАЧАЛЬНИКОМ БУДЕШЬ»

Они о чем-то мирно беседовали: вернее, один в основном говорил, а второй слушал. Тем не менее

моему появлению «заядлый собеседник» как будто даже обрадовался:

— С одной стороны, конечно, плохо, когда от родителей исходит инициатива, но с другой — инициатива эта не случайна, пока-то дите своим умом доберется до того, чему жизнью старики научены, время и уйдет.

— Это верно, — поддержал молчаливый собеседник, обращая ко мне, — ты, конечно, не парень, так что можешь в крайнем случае повременить, а парню этого никак нельзя. К примеру, я: пока раздумывал — забрали в армию, вот возвращаюсь, а двух лет как не бывало. Мог бы на третий курс переходить.

— Вот! К конкретной, осязаемой цели, к диплому пододвинулся бы. Хотя, конечно, надо б знать, в каком вузе... Учиться нелюбимой профессии безнравственно. — На каждом повороте мысли он останавливался, брал паузу и столь же убедительно тут же доказывал обратное. — Впрочем, что значит любимая профессия? Кто знает, где она? Можно пробовать до бесконечности, и в рабочих специальностях не исключено разочароваться, как в вузах. Так что пусть уж лучше время на тебя работает — диплом в кармане еще никому не помешал. — Он уверенно жонглировал словами. — Да-да, тем более что после десятилетки чернорабочим не пойдешь, все равно где-то надо учиться — в училище, на курсах. Год потратил, работать начал, но если ты умный человек, все равно рано или поздно о вузе задумаешься. Так что не лучше ли сразу, пусть с риском ошибиться, но не теряя времени?

— Ну, это как считать время, — сказала я, — если ориентировать себя на то, чтобы непременно стать инженером (пусть плохим, что без наличия определенных способностей вполне возможно), любое время вне института — потеря. Но, может, мне и не надо в инженеру, равно как во врачю, юристу. Зачем мне обязательно это?

— Для роста, — вступил в разговор второй посетитель.

— Но почему «рост» всегда понимается так однозначно? Вот я работаю, скажем, воспитательницей в детском саду после педучилища. И если моя работа мне нравится, зачем же я должна поступать в вуз? Чтобы потом идти преподавать в школу? Не с малышами, мол, с десятиклассниками... Только такой рост? А мне вовсе не нужно делать «карьеру» со ступеньки на ступеньку. У меня тоже есть возможность роста: я могу быть хорошей воспитательницей, отличной, выдающейся, наконец. Я знаю, к примеру, воспитательницу, что получила за свой труд орден Ленина. Разве это не высшая оценка труда обществом? Почему считается, что должность директора детского сада выше?

— Да, вы, несомненно, правы, — горячо вступился изнемогающий от молчания «заядлый собеседник». — С одной стороны, карьера по горизонтали существует так же, как и по вертикали, но с другой стороны...

— Оставьте, — перебил его демобилизованный, — кому он нужен — рост в бок, когда можно расти вверх? И я лично времени больше терять не стану.

Поезд отстукивает километры. Мы подъезжаем к Москве. Я прощаюсь и слышу в ответ пожелания счастья. Счастья, которое «только» в вузе.

Я иду и думаю о главном аргументе под названием «прожитая жизнь», о горьком опыте и так далее. Что ж, не доверять этому нельзя... Но есть и другой опыт. Это я знаю совершенно точно — по письмам, по встречам, когда вот так, подчинившись, ломались под колесами мнений судьбы. Такой статистики нет — людей, ненавидящих свое дело, не нашедших себя, сломанных, разочарованных. И хорошо, что нет. Лучше не надо.

Но скажите, отчего так бывает? Действительно, опыт, действительно, жизнь, и тем не менее все мы прекрасно знаем, где лежит истина. Этого нельзя не знать: здесь — правда, здесь — ложь, это — честный путь, а это — напротив. Не только для разговора с корреспондентом. И не только по вопросу поступления в вуз... Как часто мы оказываемся в ситуации, когда прекрасно знаем, как следовало бы нам поступить, как будет правильно и разумно, но аксиомы тут же теряют очертания, лишь только дело касается нас самих, когда надо выбирать тот или иной путь уже для себя, а не просто теоретизировать. Почему? Откуда эти наши надежды оказаться исключением из правила? Не от нашего ли нежелания дать себе труд выбраться из-под «колес мнений», заставить себя поступить так, как душа требует, а не под диктовку расхожих постулатов? О да, это очень сложно — противостоять привычному мнению, бороться с ним не словами, а поступками. Но мудр решившийся на это, понявший, что вот он, пожалуй, тот редкий случай, когда думать надо в первую очередь о себе, а не о других. В этом еще раз убедило меня письмо Нины Сорокиной.

ВТОРОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Спасибо за ответ, за то, что интересуетесь моей судьбой. Институт все же оставила. Работаю сейчас воспитательницей в яслях. Попробую поступить в университет, на филфак. Не выйдет сразу — подготовлюсь получше. Как живу, спросите? Говорить об этом пока рано. Одно знаю: живу лучше, чем раньше. Даже не лучше — легче живу. Теперь я понимаю, что дело не в том, что ты пребываешь в вузе, а в том, чтоб учение тебе было необходимо. Для того, чтобы дальше двигаться, дальше жить.

Нина

В барак, где заседали три полковника — члены военного трибунала, Тибурсио вошел спокойно и бодро. Лицо его выражало почтительное уважение к высоким чинам. Он сел на скамью и улыбнулся. Было приятно, что в присутствии столь большого начальства ему разрешили сидеть. Такой оборот дела еще раз внушал уверенность: сейчас все выяснится, и, возможно, сегодня же вечером он сможет наконец отправиться домой, чтобы посадить картошку.

Тибурсио Колке совсем не понимал испанского языка. Может быть, кто-нибудь из членов суда и знал аймара² — родной язык Тибурсио, — но вида не подавал.

К тому же полковники и не собирались терять много времени на солдата Тибурсио Колке. Окруженный четырьмя вооруженными солдатами, он так и сидел, улыбаясь, в течение всего слушания дела.

Один из полковников громко прочел какие-то бумаги, затем стали вызывать свидетелей — патрульных, задержавших Тибурсио. На вопросы патрульные отвечали охотно.

«Это хорошо! — думал Тибурсио. — Они подтвердят суду — я ничего с собой не унес... Разве только форму, но ведь всем известно, что другой одежды у меня не было!»

После опроса солдат вызвали сержанта, возглавлявшего наряд. Сержант, видно, был человеком неплохим, потому что после дачи показаний улыбнулся Тибурсио. Это тоже было хорошим признаком. И рядовой Колке улыбнулся ему в ответ.

У Тибурсио оставалась еще одна, самая последняя возможность объяснить причину дезертирства: председатель, как и положено в подобных случаях,

спросил, может ли подсудимый сказать что-либо в свое оправдание. Вновь ничего не появив, Тибурсио лишь покачал головой.

Полковники удалились на совещание. Чтобы прийти к единому мнению, им потребовалось совсем мало времени. Когда читали решение, по которому подсудимый приговоривался к расстрелу, Тибурсио продолжал улыбаться.

Секретарь трибунала, капитан Рохелио Салинас, который вел протокол дела, был поражен поведением подсудимого. Участвуя в кампании с самого начала и давно работая в военном трибунале, он видел всякое, но такой выдержки и хладнокровия в ответ на смертный приговор еще не встречал.

Как может такой мужественный человек одновременно быть настолько трусливым, чтобы сбежать с фронта? Размышляя об этом поздней ночью, капитан Салинас не мог уснуть.

Наконец он оделся, закурил сигарету и отправился еще раз взглянуть на приговоренного. Тибурсио Колке спал сном праведника. «Черт побери, научиться бы так владеть собой!» — подумал капитан и вышел, тихонько прикрыв за собой скрипучую дверь.

В тропиках светает рано. Еще не было и четырех утра, а Тибурсио Колке уже вли к видневшейся навдалеке кромке джунглей.

Может быть, он и спрашивал себя, что бы означала эта ранняя процедура, но смысл происходящего до него не доходил. В сопровождении восьми вооруженных солдат и сержанта он шел спокойно и уверенно.

Тибурсио еще раз прочли смертный приговор, и, пока отделение выстраивалось, ему завязали глаза и руки связали за спиной.

Возможно, в самый последний момент, когда раздалась команда, он и понял, что должен умереть, но было уже слишком поздно объяснять людям, почему он, Тибурсио Колке, дезертировал с поля боя.

Перевел с испанского Юрий АРКАДЬЕВ.

² Нынешнее население Боливии в основном состоит из индейцев — потомков многочисленных племен аймара и кечуа. Многие из них, особенно в сельской местности, пользуются только родными индейскими языками и практически не знают испанского — государственного языка Боливии.

ПОЛЕТ НА К

Николай ПЛОТНИКОВ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии СССР
и Государственной премии
РСФСР
имени К. С. Станиславского.

Пожалуй, я был подготовлен к искусству с самых ранних лет. А все началось в те дни, когда в Вязьму приехали московские артисты. Они сняли в аренду здание «Благородного собрания» (так называлось у нас помещение с большим залом для танцев и небольшой сценой). Стульев в зале не было. Актеры ходили по городу, по квартирам и просили дать им на несколько вечеров стулья. Пришли и к нам. Отец отдал стулья, но с условием, чтобы на концерт провели двух детей — меня и брата, который уже учился в гимназии.

И вот мы сидим в зале «Благородного собрания» в первом ряду.

Помню, кто-то играл на скрипке. Пели — сначала мужчина, потом женщина. Но вот вышел артист и стал читать стихотворение «Бурлак» Ивана Саввича Никитина. Артист будто вкладывал в мою душу каждое слово, каждую фразу... И я все больше проникался сочувствием к человеку, у которого умерли жена, потом сын, маленький мальчик; он умел уже по складам читать, а вот заболел и умер... Остался этот «дядя» совсем один, а тут еще в поле ничего не уродилось, голод, и лошадь погибла. В деревне над ним все смеялись — дескать, лентяй! И он ушел в бурлаки на Волгу.

Стихотворение так взволновало меня, что я расплакался. Старший брат, Анатолий, толкал меня локтем в бок, тихо говорил:

— Не реви, люди смотрят!

Но удержаться от слез я не мог. Когда чтение закончилось, я, весь зареванный, пробрался за кулисы, откуда нас перед концертом провели в зрительный зал, вышел через какую-то дверь на улицу и помчался домой. Не удивляйтесь, что ребенок шести с небольшим лет мог один отправиться в далекий путь по вечернему городу. В семье у нас было восемь детей, и особого внимания никому не уделяли...

Дома я тотчас же принялся рыться в книжных полках старших сестер — искал стихотворение Никитина. Нашел. Книга была без переплета. Ночью, дождавшись, когда все уснуло, я тихонько зажег керосиновую лампу, убавил огонь и начал по складам разбирать эти удивительные строки. Я читал и сразу же все запоминал. Утром я знал это стихотворение наизусть. С тех пор прошло семьдесят с лишним лет, а я и сейчас помню его от первой до последней строки, люблю его, как

ПОРТРЕТ НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА ПЛОТНИКОВА РАБОТЫ ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА.

ОВРЕ ✦ САМОЛЕТЕ

можно любить что-то очень близкое, сердечное...

Учился я в вяземской гимназии до шестого класса, а за два года до окончания случилась большая беда—в 1912-м умерли отец, мать и две сестры. Мать—от чахотки, отец—от разрыва сердца, младшую сестру из ревности убил в Москве, в Охотничьем клубе, наш двоюродный брат, а старшая сестра умерла, не выдержав этих трех смертей. Младшие сестры, я и брат остались на иждивении тетки. Содержать нас было трудно, и тетюшка решила отправить меня в Петербург к своему брату, который в то время был директором типолитографии Шварца.

Я уехал в Петербург и поступил в литографию учеником-литографом. Жалованья я получал 8 рублей в месяц и должен был убирать мастерскую, готовить мастерам чай, растереть тушь на глубоком блюде и разливать ее в «тушевки»—маленькие фарфоровые баночки. Мастер-литограф (тушист) окунал в тушь стальное перо и наносил на гладко отшлифованный литографский камень рисунок штрихами и точками.

В это же время я параллельно занимался в школе барона Штиглица по классу рисунка. Окончив ее в 1915 году, я получил звание мастера-литографа. Вскоре я переехал в Москву и стал работать в литографии Машистова. Жалованье мне платили довольно большое—20 рублей в месяц.

Когда я работал в литографии, мастера, бывало, в обеденный перерыв, поев на скорую руку то, что я покупал по их заказу в лавке, просили:

— Ну, Коля, почитай что-нибудь!

И я читал стихи и короткие рассказы из журнала «Сатирикон».

Не знаю, как сложилась бы моя жизнь, не уверен, что я вообще смог бы стать артистом, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция.

20 декабря 1917 года постановлением Совета Народных Комиссаров была создана Всероссийская коллегия по формированию и организации Красной Армии, а затем были организованы местные военные комиссариаты.

Меня, как человека грамотного, направили в военкомат Пресненского района и назначили делопроизводителем по строевой части в мобилизационный отдел. Работы оказалось по горло, домой уходила глубокой ночью.

В военкомате вместе со мной служил молодой человек по имени Василий Новиков. Он занимался в небольшой драматической студии, которой руководил Михаил Александрович Чехов—артист Художественного театра и 1-й студии МХТ.

Однажды вечером я пришел по адресу, который мне указал Василий Новиков. Это была частная квартира. Своего помещения студия не имела, и поэтому студенты собирались в разных местах, на разных квартирах.

Позже Новиков напомнил мне, в каком виде я пришел первый раз в студию—в солдатской шинели, в вязаной женской кофте серого цвета... На голове—кепка, похожая на солдатскую фуражку...

В студию меня приняли, но предупредили, что я должен буду еще показаться самому Михаилу Александровичу Чехову и что последнее слово за

ним. И вот Чехов пришел на занятия, меня представили ему и сказали, что я очень хотел бы заниматься в студии. Михаил Александрович долго расспрашивал меня, кто я, кто мои родители, а потом предложил сыграть какой-нибудь этюд. Я сказал, что не знаю, как это делать, и, кроме того, боюсь. Чехов терпеливо объяснил, что от меня никакого «представления» не требуется, нужно только немного фантазии, и сразу предложил сесть на стул и изобразить «раскаленный уголек в печке». Я долго сидел молча. Кругом была гробовая тишина. Все ждали, что я придумаю. Чехов смотрел на меня своими наивными светлыми глазами, переключая одну ногу на другую. Вася Новиков нервно покашливал. А мне решительно ничего не приходило в голову. Но вдруг меня «осенило». Я согнулся, опустил голову, руки повисли у меня чуть ли не до пола, и я громко произнес: «Ш-ш-ш...»

Чехов спросил:

— Что это значит?

— Это раскаленный уголек залили водой.

Чехов рассмеялся и зааплодировал. Пожалуй, Михаил Александрович был первым из тех людей, которые определили мою судьбу, кто сыграл одну из главных ролей в формировании Плотникова—будущего актера.

Меня пригласили выступить в журнальном разделе «Автобиографии», и, принимая с благодарностью это приглашение, я тотчас же решил, что свой рассказ о прожитом, увиденном, пережитом и пережитом построю, не мудрствуя лукаво, так, как подсказывает мне мой главный драматург—собственная жизнь. А жизнь, судьба каждого человека во многом зависит от тех людей, с которыми мы встречаемся в юности, в пору возмужания, в зрелые годы. Каждый из нас—своеобразный вагончик, который летит по рельсам, протянутым в будущее, и на поворотах, то едва заметных, то крутых, когда нас «заносит», стоят какие-то добрые, а иногда и не очень, стрелочники, которые оказывают влияние на наше движение.

К счастью, в моей жизни чаще всего встречались именно добрые «стрелочники», и среди них я в первую очередь хочу назвать Михаила Александровича Чехова. Я был принят им в студию, которую позже мы назвали «К.Р.», «Красная Рампа». Занятия в студии проводились не каждый вечер, а только тогда, когда все студийцы были свободны от работы.

Из вечера в вечер с огромным трепетом и какой-то особой страстью выполняли мы один и тот же этюд. Все садились на пол, как на ковер-самолет, и «летели» по воздуху, фантазируя по поводу того, что встречалось на нашем пути. А встречалось нам многое: облака, грозные тучи, нас ослепляла молния, мы вздрагивали от грома, видели луну, звезды, горы, а иногда и города с фантастическими зданиями, ощущали беспредельность вселенной, приближались к Венере, и обо всем увиденном мы говорили, спорили.

«Полет на ковре» выработал во мне умение фантазировать по поводу любого предложенного материала, подмечать в окружающей жизни то, чего я раньше не замечал.

...В феврале 1919 года нас, группу служащих Пресненского военкомата,

направили на юг России для организации военных комиссариатов. Летом я заболел брюшным тифом и попал в госпиталь. Долечиваться меня отправили на родину, в Вязьму. Там к этому времени был организован народный театр, и я поступил туда актером.

Летом 1921 года умерла тетюшка, на моих руках остались сестра и брат. Нужно было как-то выкручиваться. Одежду, которая осталась после тетюшки, мы меняли на муку, крупу, хлеб...

Однажды на базаре я подошел к одному крестьянину и спросил, нет ли хлеба.

— Да что ты, рódный, сами мякину едим!

— Ну, нет ли хоть кусочка сала? Вот на юбку сменяю—у меня дети малые.

— Какое там сало! Не видали его с тех пор, как пришла ваша Советская власть!

И плачет... плачет, даже жалко его стало. А когда, отойдя от него, я вдруг случайно обернулся, то увидел, как этот «голодающий» вынул краюху хлеба, развернул тряпку, вытащил из нее кусок сала и стал жрать, посмеиваясь надо мной.

Два десятилетия спустя, когда я снимался в роли кулака в фильме «Ленин в 1918 году», мне вдруг ясно, до мельчайших деталей, вспомнил тот мир с куском сала в руке. И это воспоминание стало драгоценной реалью основой в создании образа «моёго» кулака...

Зарплата в театре была столь невелика, что нам троем ее хватало только на несколько дней. Мне предложили руководить драмкружком на станции Вязьма в железнодорожном клубе. От города до станции было около пяти верст, так что в дни занятий—а их было три-четыре в неделю—я отмахивал по десять верст. За работу мне давали железнодорожный паек: муку, крупу, сахар, соль, чай, картофель—всего понемногу.

Весной 1922 года в Вяземский отдел народного образования пришла телеграмма следующего содержания: «Прошу направить Морского, Плотникова, Чаусова держать экзамен в школу Московского Художественного театра. Луначарский».

Это позаботилась о нас артистка МХТ С. В. Халюткина. Она приезжала в Вязьму и в нашем спектакле «На дне» играла Настю. Мы тогда долго говорили с ней о своей мечте поступить в театральное училище. Такой случай представился: в секретариате А. В. Луначарского работал наш вязьмич Богданов—он-то по совету С. В. Халюткиной организовал эту телеграмму и дал на подпись наркому.

Сначала в Москву уехал Морской. Ему повезло—он поступил в Четвертую студию. Затем в столицу отправились и мы с Чаусовым.

И вот я держу экзамен в Четвертую студию МХТ. Конкурентов у меня было много—360 человек!

Я показывался в отрывке из пьесы «На дне». «Подчитывал» мне Чаусов. Закончил я под гробовое молчание экзаменаторов. Томительная тишина давила. И вдруг председатель комиссии Г. С. Бурджалов громко сказал:

— Плотников, вы нам не подходите! Следующий!

Я настолько ясно и живо помню тот день, как будто это было вчера. Я

вспоминал сыгранную сцену и, внутренне проверив свое самочувствие, проанализировав его, понял, что слишком много «играл» и «старался». Мне даже не было обидно, потому что я понял, что сам виноват. Надо было все играть проще. Но увы...

Список державших экзамен был составлен по алфавиту. Последним был Александр Иванович Чаусов. Прием начался в 10 часов утра, Чаусова же вызвали около 10 вечера. Он предложил показать отрывок из пьесы А. Толстого «Горький цвет» и попросил меня подать реплики партнеров.

Настроение у меня было подавленное. Пока сидел внизу, все думал и думал о своей несостоявшейся актерской судьбе...

Я взял написанный от руки текст и сел на стул. Решил, что ничего играть не стану, а буду только произносить слова.

И вдруг свершилось чудо, которое навсегда останется для меня загадкой: слова, которыми я отвечал Чаусову, бурно принимались всеми экзаменаторами. Я даже подумал, что, видимо, как-то смешно, неловко сижу, и поставил сесть иначе, удобнее. Но смех нарастал. Может быть, у меня гимнастерка испачкана или волосы растрепаны? Пригладил волосы, осмотрел гимнастерку и брюки—нет, ничего, все в порядке. Экзаменаторы снова смеются. Я расстроился: наверное, они мешают Чаусову,—и начал подавать реплики, не шевелясь, смотря в одну точку, на своего партнера. Но что ни реплика—смеются, что ни взгляд—взрыв смеха!

Я почувствовал в этот момент необъяснимый творческий подъем. Интуитивно я не прибавлял ничего лишнего, чтобы не спугнуть удивительного самочувствия этой минуты. Я ощутил, что решающую роль в моем показе играли не слова, а тот человек, в которого я превратился и от лица которого я их произносил. С тех пор я на всю жизнь понял, что значит для актера «быть» на сцене, а не «казаться».

В одном месте после смеха экзаменаторов Чаусов даже приостановился, потом снова заговорил, но уже как-то неохотно. Сцена закончилась. нас поблагодарили и сказали, что список принятых будет объявлен завтра в 11 часов утра внизу, в раздевалке.

Когда на другой день мы пришли в студию, то увидели, что вместо списка висит небольшая записочка: «В Четвертую студию МХТ принят Плотников Н. С.».

Не может быть! Я был уверен, что вот-вот что-нибудь изменится, и не в мою пользу. Собрались едва ли не все вчерашние абитуриенты, которые пришли посмотреть на «список», и все громко спрашивали: «А кто такой Плотников? Какой он из себя? Что он вчера читал?»

Из студии на Садово-Каретную мы с Чаусовым шли молча. Я чувствовал себя виноватым перед ним. Когда пришли домой, Морской начал нас расспрашивать. Я молчал. Чаусов сказал:

— Приняли одного Кольку!

Мы вскипятили на керосинке чай, пили его с черным хлебом. Все это происходило в полной тишине. Убрали посуду, чайник и стали укладываться спать: Морской на своей железной кровати, Чаусов на длинном столе, а я

под столом—так мы размещались на полчел каждый раз. Настроение у всех было тоскливое—двое приняты в студию, только Шурка Чаусов остался не у дел.

На следующее утро я пошел к 11 часам в студию. Сажу внизу. Жду. Подошла ко мне какая-то полная женщина и спросила:

— Вы Плотников?

— Да.

— Вас приглашает к себе Георгий Сергеевич Бурджалов, он наверху, в кабинете дирекции.

Я направился наверх, постучал в дверь и вошел в комнату. Встав и протянув руку, Георгий Сергеевич молча предложил мне сесть.

Я то взглянул на него, то опущу глаза—думаю, зачем он меня позвал? Наконец, Бурджалов заговорил какими-то междометиями:

— Ну... так... Ну, значит... Вот мы вас приняли в Четвертую студию. Вы знаете, как образовалась эта студия?

Я отрицательно покачал головой. Георгий Сергеевич долго рассказывал мне о создании студии, потом спросил:

— Ну, а вы вот, что бы вы хотели получить от студии?

Я сказал, что хочу играть. И вдруг наступила какая-то трагическая пауза. Бурджалов встал, сказал: «Да-а-а!»—и бросил карандаш, который был у него в руках, на стол. Затем снова сел и прочел мне лекцию о том, что «все хотят играть». Но для этого нужно проявить себя в искусстве, которое в студии еще только начинается. Артисты—основатели студии—жалованье получают только за выездные спектакли, которые они до сих пор играют в различных районах Москвы. Средств у студии нет, жалованье вновь принятым не платят.

— Вам придется где-нибудь работать и принимать участие в организации создаваемой студии. Что вы умеете?

— Все! Только электричества боюсь.

— А полы мыть сможете, окна мыть умеете?

— Это все умею.—И рассказал, что до актерства в Вязьме я был литографом и работал в типографии.

— Так позвольте,—сказал Георгий Сергеевич,—стало быть, вы умеете писать печатными буквами?

— Умею,—ответил я,—и всевозможными шрифтами.

— Так мы найдем вам работу в студии и будем немного за нее платить.

В Четвертой студии мне довелось работать с пришедшим к нам в качестве художественного руководителя Михаилом Михайловичем Тархановым, выдающимся актером, ярчайшей и своеобразнейшей личностью. Необыкновенная доброта, необыкновенная честность Тарханова меня буквально покоряли. Он никогда не жалел усилий для того, чтобы помочь артисту. Искусство педагога заключается в том, чтобы уметь делиться своими секретами, и Тарханов не таил свой опыт, не щадил себя, чтобы передать молодежи те знания, что накопил за свою творческую жизнь. Наш наставник так помогал артисту, что тому казалось, будто это он сам все сделал и нашел, между тем как вся работа строилась на подсказке Михаила Михайловича. Это и было то, о чем не уставал напоминать Владимир Иванович Немирович-Данченко: «Режиссер умирает в актере».

Почему я об этом вспоминаю? Артист, к сожалению, далеко не всегда способен поделиться тем, что знает, чувствует, умеет. И если он—ваш партнер, если играет вместе с вами в одном спектакле, то вовсе не обязательно, что он раскроет перед вами все свои секреты.

Я был свидетелем такого случая. Режиссер Леонид Андреевич Волков ставил спектакль «Человек с портфелем» Файко. И вот он однажды что-то

подсказал одареннейшему актеру. Тот ему неожиданно ответил:

— Я вам не верю.

— Почему?—изумился Волков.

— Вы сами играете в этом спектакле, какой же вам смысл подсказывать мне, чтобы у меня было лучше, чем у вас?

Такое случается. Артисты порой сомневаются, что им верно, точно подсказывают. Но и у меня и у моих партнеров не было никаких сомнений, когда своими секретами делился Тарханов.

Михаил Михайлович всегда говорил своими словами—не прописными истинами. Он никогда не сказал бы, что ты, мол, теряешь чувствую меры или что-нибудь в этом роде. Когда артист переигрывал, он замечал: «Ты хорошо играешь, но за троих». И актер понимал, что переборщил, и в конце концов начинал отыскивать ту меру выражения, которая и есть правда.

Здесь самое время напомнить молодым читателям одну из страниц истории отечественного театра.

Когда труппа Художественного театра вернулась из продолжительных гастролей по Америке, руководители театра стали внимательно знакомиться с работой четырех своих студий, чтобы пригласить в МХТ наиболее интересных и перспективных актеров. Однако на общем собрании артисты разных студий Художественного театра высказали пожелание сохранить свои ансамбли.

Владимир Иванович Немирович-Данченко сказал в тот день: «Пусть будет прекрасная гамма колоколов в созвучии Художественного театра». Но один из актеров, выступавших на собрании, предложил иное решение: «Давайте будем все-таки звонить своими колоколами».

Все четыре студии работали под эгидой Художественного театра, но вскоре мы стали совершенно самостоятельными. Первая студия превратилась во вторую МХТ, вторая целиком влилась в Художественный театр, третья стала называться театром имени Вахтангова, а Четвертая—«Реалистическим театром».

И вот именно в этом театре мне довелось играть Швейка. Спектакль был поставлен очень остро, его антирелигиозный характер был столь подчеркнут, что в Советский Союз пришел протест от Папы Римского.

На одном из спектаклей были руководители правительства, они смотрели, смеялись, а потом сказали, что повода для протеста не видят, и посоветовали нам играть так, как играли.

Потом Реалистический театр возглавил Николай Павлович Охлопков, выдающийся режиссер, подлинный новатор театра.

Много лет спустя я прочитал где-то—в книге или в журнале—не помню, что Охлопков—это вулкан. Постоянно действующий, не знающий передышки вулкан.

Паразитально точное сравнение! С юности, с постановки «массовых действий» в Иркутске и до последних дней жизни, когда мечтал Николай Павлович поставить пушкинского «Годунова» на открытом воздухе, на просторных площадях древнего Московского Кремля, в «декорациях», пришедших к нам через века, был Охлопков человеком фантастической энергии и безмерной выдумки, бойцом и художником, страстно отстаивающим свое, неповторимое видение мира, свое понимание искусства. В Реалистическом театре ставил он Горького, Серафимовича, Ставского, ставил «Мать», «Железный поток», «Разбег», и каждый спектакль становился событием, о котором спорили и говорила вся театральная Москва. Людей помоложе Николай Павлович покорил и увлек блестящими постановками «Молодой гвардии», «Гамлета», «Иркутской истории», «Меден».

Замечательные образы создал

Н. П. Охлопков и в кино: рабочий Василий в фильмах о Ленине, былинный герой в «Алексах Невском», Батманов в киноленте «Далеко от Москвы».

Охлопков тоже был одним из тех добрых «стрелочников», которые сыграли огромную роль в моей судьбе.

И именно вспоминая о Николае Павловиче, хочу рассказать об одном из секретов театрального искусства. Хочу рассказать об условных рефlekсах в творчестве актера. В качестве иллюстрации приведу прекрасный спектакль «Мать» по роману Горького, поставленный Николаем Павловичем Охлопковым. Мне поручили роль Находки. Оформлял спектакль художник Яков Штофер. В спектакле была сцена, когда Находка выходит из тюрьмы. Штофер сделал железную дверь, а я после нескольких репетиций попросил сделать не одну, а, например, пять таких решетчатых дверей. Мне казалось, что если перед мной одна за одной будут раскрываться несколько дверей, я смогу показать ярче, что это такое—человек выходит из заключения, где от воли он отгорожен далеко не единственной дверью. Художник прислушался ко мне.

И вот Находка выходит из тюрьмы. Тюремщик, гремя связкой ключей и металлическими засовами, открывает одну дверь, затем вторую, третью, вот-вот я буду свободен, и во мне возникает, нарастает какое-то потрясающее душу волнение, выливающееся в слезы от переполняющего меня счастьем—я выхожу на волю. Тюремщик отпирает четвертую дверь, наконец, пятую, в это время дают солнечный луч на лицо Находки, скрипки рыдают «Замучен тяжелой неволей», и Находка каждый раз (и сейчас, простите, снова) плачет.

Я плакал каждый раз, выходя из тюрьмы, и всегда зрители встречали эту сцену аплодисментами. Воля... счастье... жизнь начинается снова...

Был однажды случай, когда на вечер после спектакля назначили концерт, и я шепнул тюремщику, который открывает двери: давай, мол, поскорее, я тороплюсь.

Он открывает одну дверь, другую, и снова, я чувствую, возникает волнение, душат слезы счастья, и я забыл уже и о концерте и о том, что я спешу, опять звучат скрипки, луч солнца на моем лице, и снова я заревавший, потрясенный, ошеломленный свободой.

Это воспитанный верный условный рефлекс. Иногда от спектакля к спектаклю он стирается. Но если ты умеешь владеть собой, если у тебя есть волевые актерские качества, то этот рефлекс можно отработать настолько, что ты, и сам того порой не желая, все-таки сделаешь все, что нужно по роли.

А теперь мне хочется вернуться на четыре десятилетия назад. К работе в театре Революции у Алексея Дмитриевича Попова.

Я должен сказать об этом своем наставнике хотя бы несколько слов.

Считаю, что Попов—один из немногих деятелей театра, которые сумели продвинуть модернизацию Станиславского, модернизировав ее в соответствии с требованиями времени.

В театре Революции, где главным режиссером был А. Д. Попов, я сыграл комсомольца Дудкина в пьесе Н. Погодина «После бала» и Лоренцо в спектакле «Ромео и Джульетта».

Затем Попов перешел в театр Красной Армии, и я ушел вместе с ним. Там я сыграл роль председателя колхоза Бештанько в пьесе А. Корнейчука «Банкир».

Больше я сыграть ничего не успел. Театр уехал на два года на Дальний Восток, я же уехать не мог, потому что был занят в кино—снялся в фильме «Ленин в 1918 году». На съемках этой картины я познакомился с Борисом Васильевичем Шукиным, который и

предложил мне перейти в театр Вахтангова, поскольку остался я «бездомным».

В конце концов я согласился. И с 1938 года работаю в театре имени Евгения Вагратионовича Вахтангова.

Начало было обычным. Меня ввели в уже сложившийся, крепко сбитый спектакль «Без вины виноватые». Я сыграл Шмагу, сыграл, как меня убеждали, неплохо, и... И с тех пор началась моя учеба.

Я никогда не стеснялся признаться, что многого не знаю, поэтому всегда старался быть максимально внимательным к замечаниям режиссеров и своих партнеров по сцене, старался учиться. Мне опять повезло чрезвычайно—я работал с Рубеном Николаевичем Симоновым, талантливейшим, умнейшим режиссером. Сила Симонова, как мне представляется, заключалась в том, что он был не только режиссером, но и актером. Рубен Николаевич умел и рассказать и показать. Он умно и тонко подсказывал актеру, вел его по роли, и подсказка эта, оплодотворенная фантазией, творчеством актера, позволяла точнее прочесть замысел автора, расширить, обогатить его. Но если исполнитель не принимал подсказку, Рубен Николаевич не настаивал, не диктовал свою волю, он позволял актеру остаться при собственном мнении.

Выдающийся режиссер, Р. Н. Симонов был не только очень деликатным человеком, но и тончайшим актером. Он чувствовал вашу мысль, движения души, внутренние порывы и отзывался на малейшие изменения, вносимые вами в рисунок роли. В «Ревизоре» он играл Хлестакова, а я Землянику. И стоило мне только как-то иначе посмотреть в его глаза, наметнуть на что-то своим поведением, интонацией, движением, как он мгновенно реагировал. Земляника в том спектакле надевал на себя всевозможные медали и знаки отличия, и однажды, проходя мимо Хлестакова, я выпятил грудь, как бы стремясь привлечь его внимание к своим регалиям. Тотчас же Хлестаков—Симонов заметил это и с изумлением, завистью и восторгом произнес: «О!» Этого «О!» у Гоголя нет. Симонов понял, что Земляника в этот момент жаждет, чтобы он, Хлестаков, увидел все его регалии, и, поняв это, реагировал так, что в зале раздались аплодисменты.

Для актера очень многое значит драгоценное «чувство партнера». Но это чудесное взаимопонимание нередко устанавливается далеко не сразу. Порой начинаешь «чувствовать» партнера не на репетициях и даже не на премьере, а только после нескольких спектаклей, когда в роли третьего—и весьма важного—участника разговора появляется зритель. Партнер сказал что-то, ты ответил, зрительный зал отреагировал на эту реплику, и вот тогда ты начинаешь ощущать, что между тобой и партнером возникает творческий контакт.

Роль зрительного зала в театральном искусстве переоценить невозможно. Соучастие зрителей в действии и придает театру ту неповторимую привлекательность, ту магическую силу, что всегда манит людей к Софоклу, Еврипиду, Шекспиру, Островскому.

Без публики трудно проверить спорные места в постановке, трудно проверить, особенно в комедийном спектакле, смешна или не смешна та или иная реплика. Владимир Иванович Немирович-Данченко говорил, что, пока не придет публика, проверить комедийные места не может никто, даже самый одаренный режиссер. Только реакция зрителей показывает, на верном ли вы пути. Очень трудно, например, ставить Шекспира. Читаешь его комедию, и она вовсе не представляется тебе смешной, но стоит вынести ее на сцену, как публика бурно реагирует и в тех местах, в которых, как тебе казалось, нет ничего смешного.

В отличие от писателя, кинематографиста или художника, которые, создав произведение, навсегда расстаются с ним, актеры каждый вечер создают свое «театральное произведение» заново. Мы можем уточнять и видоизменять свой творческий замысел, мы творим на глазах, в присутствии зрителей, мы можем иначе, не так, как виделось прежде, подойти к своей работе. И я сейчас ту или иную роль играю совсем не так, как год назад. Я даже на прошлой неделе играл не так, как сегодня. Появляются новые штрихи, детали. Возникают какие-то изменения, не заметные порой ни твоим партнерам, ни режиссеру. А мне это заметно, мне это видно. Вот сегодня не там моргнул партнер, и мое, так сказать, игровое самочувствие немножечко изменилось. Он дотронулся до носа, и я тоже реагирую на это.

Думаю, что эти неизученные моменты актерского мастерства и являют собой те секреты, те реальные крупицы опыта, которые и надо передавать молодому актерскому поколению. Когда ты все время играешь, когда ты на сцене, то есть чем поделиться. Но, по моему глубокому убеждению, задача педагога заключается не только в том, чтобы сообщить молодым некий комплекс профессиональных навыков. Настоящий педагог должен воспитывать молодых, формировать в них гражданственность, уважение к старшим и к младшим, истинно творческое отношение к своему долгу.

Что дал мне тот или иной образ?

Прежде всего хотел бы оговориться, что актеру, к сожалению, не всегда удается создать образ. Чаще артист играет роль. Между образом и ролью есть существеннейшая разница. А образ возникает только в том случае, когда твоё отношение к герою совпадает с авторским, когда твоя собственная фантазия оплодотворяет то, что дал тебе автор, и к тому, что заложено в тексте, ты прибавляешь что-то свое, собственное. От этого авторский текст, в котором ты, разумеется, не меняешь ни слова, становится несколько иным. Ко мне не однажды подходили Николай Погодин, Александр Корнейчук и говорили:

— Николай Сергеевич, даже и не подозревал, что я это написал...

Когда я слова автора превращаю в свои собственные, когда я вкладываю в текст что-то свое, тогда автор становится мне близким, и мы вместе создаем образ. Он мне помогает выразить мои мысли. А я своим решением раскрываю замысел автора.

Не помню, кто сказал, что слово «да» можно написать лишь единственным образом, а произнести — в тридцати интонациях. Знаю только, что это — о театре.

Каждая роль — ступенька к будущим ролям. Каждая новая роль — реализация прошлого опыта, вбирающего в себя все, что ты освоил, понял, осознал. Опыт накапливается постепенно, и с годами в чем-то уже легче жить в искусстве, если ты глубоко, серьезно, трудолюбиво работаешь над ролями, которые тебе поручаются. И в то же время — труднее, ибо уточняются твои критерии, строже становятся требования к самому себе.

Да, любая роль — результат всего сыгранного тобой прежде. Это правило. Но было в моей жизни одно исключение.

Несколько лет я руководил в ГДР театром группы Советских войск. Мы поставили «Незабываемый 1919», где я сыграл роль Ленина. Владимир Ильич появлялся на сцене на несколько минут и произносил всего несколько слов. Готовясь к спектаклю, я выезжал в Москву, на «Мосфильм», чтобы сделать грим и парик.

Когда я вернулся в Москву, то показал фотографию — я в роли Владимира Ильича — Рубену Николаевичу Си-

монову. Режиссер посмотрел внимательно и сказал:

— Будем возобновлять «Человека с ружьем». Вы будете играть Ленина...

Я испугался:

— Что вы, что вы... После Щукина!.. Я не могу. Боюсь.

— Нет, будете!

Та деликатность, которая была проявлена Симоновым по отношению ко мне во время работы над созданием этого образа, незабываема. Рубен Николаевич ни на чем не настаивал, не стремился, чтобы я повторил что-то щукинское. Напротив, он извлекал из меня, из моей сути то, что и позволило потом создать образ Ленина.

Вспоминаю, как тонко, сердечно, стараясь ничем не огорчить, помогал мне Рубен Николаевич. Да и весь коллектив театра относился ко мне удивительно внимательно, проявляя редкую душевную деликатность по отношению к актеру, которому доверена самая трудная и самая важная роль в его жизни.

Образ этот не похож ни на один другой. И я не находил в своем актерском опыте ничего, что могло бы помочь мне в этой работе. Но актер, по счастью, живет не только своим, так сказать, личным опытом.

Я знакомился с литературой о Ленине, изучал работы Ленина. Очень помогли публицистические, полемические статьи Владимира Ильича, в которых он отвечал своим оппонентам. Из этих статей я вынес самое, как мне казалось, главное, что понадобилось для раскрытия образа: силу его убежденности, темперамент великого вождя. Помогли мне и старые большевики, которые знали Ленина, работали с ним, в частности Лидия Александровна Фотиева. Не раз мы беседовали и с Г. М. Кржижановским. Однажды он мне заметил, что у Владимира Ильича, когда он был спокоен, даже пропадало грассирование. Глеб Максимилианович рассказывал также, что Ленин очень любил смеяться, но рассмешить его было непросто.

Посмотрев наш спектакль, Кржижановский очень высоко оценил мою работу, и я горжусь этой оценкой.

Главное в характере человека труда, в том числе и человека искусства, не останавливаться на том, что достиг, что уже умеешь. Сколько бы ролей и ни играл, у меня никогда не было чувства полного удовлетворения от того, что я сделал.

Когда мне говорят, ах, какой вы, то я не знаю, какой я. Не нахожу в себе ничего такого, чем мог бы похвастаться перед другими людьми. То, что я делаю, это выполнение, ну, как бы сказать поточнее, трудовой обязанности, что ли. Творческой трудовой обязанности. Это не ханжество, не лицемерие. Реальная оценка творческого труда. Не понимаю и не знаю ничего хуже, чем переоценка своих возможностей или тем паче своих достижений. И мне жалко тех молодых людей, которые, сыграв в кинематографе роль или две, полагают, что они достигли вершин. Поскольку фильм вышел недавно, публика на улице узнает их, и молодые актеры считают, что они — звезды, цель достигнута и теперь можно лишь пожинать плоды. Но ведь это ужасно, когда актер перестает работать над собой. Это трагедия для человека искусства, если он считает, что достиг такой высоты, что делать ему больше нечего.

Мне восемьдесят, но я чувствую, что ничего еще толком не сделал, что я только начинаю. Профессор Камшатов, мой герой из спектакля «Коронация», говорит:

— Человек-то задуман как гений. В нем сил в сто раз больше, чем он обнаруживает.

Мне легко это произносить потому, что в этих словах выражено и мое собственное неизменное и очень сильное убеждение.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ МАТЕ ЗАЛКА

Эта премия учреждена на Полтавщине к 75-летию видного писателя-интернационалиста по инициативе правления и парткома колхоза имени М. Залка.

В канун 80-летия Мате Залка редакция журнала «Смена», где в свое время часто печатался писатель, герой гражданской войны, получила предложение инициаторов учреждения премии: впредь присваивать ее ежегодно за лучший опубликованный на страницах нашего журнала материал на интернациональную тему.

Это предложение с благодарностью принято.

Решением редколлегии журнала «Смена» лауреатом премии имени Мате Залка за 1976 год стал чилийский журналист Эдуардо Лабарка. Премия присуждена за очерк «Коммунист Корвалан», опубликованный в номере 17 за 1976 год.

Михаил НАЙДИЧ

Рабство?.. Кончилось рабство.

Но вижу

сквозь тени рябье:

Занавесок задернутых

чуть голубеет экран.

Это кто же там в кресле?

Вечерняя телерабия:

Трудный день отошел.

Начинается сказка! Игра!

Что там — лекция, музыка?

Боже, не все ли равно ей —

Посидеть, отдохнуть,

поблаженствовать просто

в тепле.

Подлокотники кресла тверды,

но сползает на ноги,

Обвивая плотнее колени,

податливый плед.

Ну, а я прихожу,

И связать, усмехнуться я рад:

Мол, уткнулась в экран,

королевою восседая.

А она —

Вся любимая,

Милая вся и седая...

Да и сам я в конце-то концов

Разве тоже не раб?..

Вот и ростепель,

У февраля — постоянные распри;

Южный ветер подул,

вздыбил тихую рощу в снегу.

Я стою, будто чем-то прикованный,

Я уже в рабстве:

От февральских сосулек глаза оторвать

не могу.

Пожимайте плечами, прохожие.

Смейтесь, не смейтесь —

Прозеваете этот волнующий запах коры.

Как я рад, что нашелся лихой удалец —

этот ветер;

И сосульки похрустывают,

душу мою покорив.

Разве можно пройти,

не задев ледяного убранства,

Хоть в молчанье пройти,

если вдруг потерялись слова.

Человеку не хочется рвать

цепи этого рабства,

От которого вдруг закружилась его голова.

Будут весны и осень!

Будем опять поклоняться.

Наклоняться, чтоб тронуть траву,

землянику, грибы.

Не сердись, моя милая,

нам остается — обняться.

Что же делать теперь?

Мы рабы...

Мы такие рабы!

Сила

Клиффорд
САЙМАК

воображения

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, доносившийся из тупичка между стеной жилого дома и переплетной мастерской. Плач был странный, не вполне человеческий, пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Он придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался снова. Это был тихий плач, безнадежный и безадресный, плач ради плача.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех шагов, как вернулся. Заглянул в тупичок — и почти сразу зацепился ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок — точнее не опишешь. — мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти ничего не весит. Крепко придерживая находку одной рукой, другой он пошарил по карманам. Отыскал зажигалку, щелкнул крышкой — пламя еле светило, и все же он разглядел достаточно, чтобы испытать мгновенный приступ тошноты. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица — лицо начало было становиться гуманоидным, но затем словно по каким-то причинам передумало, и черты его почти стерлись. Вот и все, что являло собой это удивительное создание — одеяло и лицо.

Поспешно сунив зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая при каждом вздохе, как воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным. Оно было прямо-таки немислимым, даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же без задержки идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка — ребенок, и тот оказался бы, наверное, тяжелее, — и ощущая телом живое тепло, которое излучало существо. Отвращение прошло, и в сердце у него поселилось непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти, пытаясь удержать какое-то упрямое ускользавшее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло, хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, и на этом месте виднелась лишь смутная рябь.

Через два квартала он дотачился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду и

стал взбираться по лестнице. Кто-то спускался сверху, и Харт прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп, — позвала Анджела Маре. — Кемп, что у вас в руках?

— Вот, подобрал на улице, — объяснил он.

Харт пошевелил рукой, и у одеяла-тела открылось лицо. Анджела отпрянула к перилам, одновременно поднося ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!..

— Мне кажется, оно нездорово. Оно...

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю, — ответил Харт. — Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетной медицине. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетной медицине, — напомнила ему Анджела. — Может, в центре и нашелся бы специалист... — По ее лицу пробежало облачко. — Но ничего, наш док изобретателен. Он нам скажет хотя бы...

— Ладно, — согласился Харт. — Взгляните, в самом деле, может, вам и удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, уснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дальше разглядывал, тем меньше логики усматривал в том, что видел. Только теперь он осознал до конца, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительно, подумал он, как нечто столь немоющее вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, то какого рода пищу оно употребляет? А если оно и вправду нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда не знаешь о нем ничего, ровным счетом ничего?

Может быть, док все-таки поможет? Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого во всей округе — перебивается с хлеба на воду, обожает выпить на дармовщинку да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет...

На лестнице послышались шаги — сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то, может статься, он достаточно трезв и способен думать и действовать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояж, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

— Ну, так что у нас здесь? — произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

Продолжение. Начало в № 14.

— Кемп подобрал его на улице,— торопливо ответила Анджела.— Сперва оно плакало, а теперь перестало.

— Это что, шутка?— спросил Жуйяр, наливаясь гневом.— Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт по своему обыкновению покачал головой.

— Это не шутка. Я думал, что вам известно...

— Нет, мне неизвестно,— перебил доктор неприязненно.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал пальцы, и существо тут же шлепнулось обратно на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед.

повторил свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджеле и Харту.

— Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать,— заявил он.— Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя, как полагается врачу. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Что я пощупаю ему пульс, измерю температуру, взгляну на его язык и выслушаю сердце. Ну что ж, в таком случае не подскажете ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то какова его нормальная частота? Или, допустим, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне,

— Сомневаюсь,— ответил Жуйяр.

— Вы думаете, во всем городе нет никого, кто мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

— Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат людей, точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый заинтересуется инопланетной медициной, да и то лишь пройдет по верхам. Только по верхам, и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим вашим существом не все в порядке?

— Ну, как же, оно плакало, вот я и подумал...

— А может, оно плакало от одиночества, от испуга или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док,— сказал Харт.

— Не за что.— Старик в нерешительности застыл на пороге.— У вас случаев не найдется доллара? Я как-то немного поиздержался...

— Пожалуйста,— сказал Харт, протягивая ему бумажку.

— Завтра верну,— пообещал Жуйяр.

И тяжело поплелся к лестнице. Анджела нахмурилась.

— Не следовало этого делать, Кемп. Теперь он напьется, и вам придется отвечать...

— Ну, не на доллар же,— авторитетно возразил Харт.

— Это по вашим понятиям. Та бурда, какую он пьет...

— Тогда пусть его пьет. Он заслужил хоть капельку счастья.

— Однако...— Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

— Вы же слышали, что сказал док. Он не в силах ничего сделать. И никто не в силах ничего сделать. Когда оно очнется— если очнется,— оно, быть может, само сумеет сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю...

Он подошел к кровати и окинул распростертое на ней существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный— и ни на йоту теперь не гуманоидный. И в то же время от этого одеяльца веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Харта перехватило дыхание.

— Наверное, следовало оставить его в тупичке,— проговорил он.— Я ведь уже пошел было дальше. Но когда оно опять ударило в плач, я не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ему ничем не помог. Если бы я его там и оставил, дело могло бы повернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже взяли его искать...

— Все вы сделали правильно,— перебила Анджела.— Что за манера воевать с ветряными мельницами!— Она пересекла комнату и села в кресло. Он передвинулся к окну и мрачно взирал на городские крыши, когда она спросила:— А с вами-то что случилось?

— Ничего.

— Но ваша одежда! Вы только посмотрите на свою одежду!..

— Вышвырнули из погребка. Пытался снять фильм.

— Не заплатив за него?

— У меня нет денег.

— Я же предлагала вам полсотни.

— Знаю, что предлагали. Только я не мог их взять. Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

— Вы же так бедствуете, Кемп...

Он вскинулся, словно его ударили. Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама...

Он уже открыл было рот, но успел остановиться. Она имела право. Она предлагала ему полсотни, но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала: она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она...

— Я не в состоянии больше писать, Анджела,— пожаловался он.— Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина— сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны...

— Что вы сегодня ели?

— Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

— Это не называется есть. Вымойтесь и переодейтесь, потом мы с вами спустимся вниз и купим вам еды.

— На еду у меня у самого хватит.

какую температуру считать нормальной для такого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него сердце?

Подхватив саквояж, он направился к двери.

— Но, может, кто-нибудь другой?— В голосе у Харта звучала просьба.— Может, хоть кто-нибудь знает?..

— Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.
— Это был не аванс.
— И об этом я знаю, Кемп.
— А что будет с инопланетянином?
— Да ничего с ним не будет — по крайней мере за то время, какое понадобится, чтобы перекусить. Чем вы ему поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.
— Сдается мне, что вы правы.
— Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица. И не забудьте вымыть уши.
В «Светлой звездочке» сидел лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за тот же столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже совершеннейшим святотатством.
— А где остальные? — осведомилась Анджела.
— Тут по соседству вечеринка, — объяснил Джаспер. — Кто-то продал книгу.
— Кто-то, с кем мы знакомы?
— Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?
— Я ни о чем подобном давно не слышала.
— А кто слышал? Какой-то чужак заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг шляться по вечеринкам. Меня ждет работа.
— Что, и закуска бесплатная? — спросила Анджела.
— Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, а все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сэндвич и стопку.
— Времена тяжелые, — заметил Харт.
— Только не для меня, — откликнулся Джаспер. — Я завален заказами.
— Но заказы еще не решают главной проблемы. Джаспер внимательно посмотрел на него и поддержал себя за подбородок.
— А что считать главным? — спросил он требовательно. — Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка ответить. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе оно не стало бы массовым, иначе нельзя было бы производить рассказы и романы даже при полнейшем отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроданной Галактики. Чтобы у них там дух захватывало от похождений шелеглазой Энни, королевы космических закоулков. И чтобы ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был бы жив и здоров, а завтра снова прощит навывлет, и вновь заштопан на скорую руку, и...
Джаспер достал вечернюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.
— Видели? — спросил он. — Так прямо и назвали: «Классик». Не сочиняет ничего, кроме классики, это гарантировано.
Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно — там была статья на целую полосу и в центре снимок, а на снимке — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал в салоне сегодня утром.
— В скором будущем, — заявил Джаспер, — единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойдешь и купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ», — потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто пни ее ногой, и она выплюнет твой рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака.
Раньше, — продолжал он, — хоть изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк — пусть не первоклассных, но находящихся спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день, и человечество перехитрит само себя. Придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, вокруг будут только машины.
— Но у вас-то дела идут неплохо, — заметила Анджела.
— Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.
Подошел, волоча ноги, Блейк и рявкнул:
— Что прикажете?
— Я сыта, — ответила Анджела, — мне только стакан пива.
Блейк повернулся к Харту:
— А для вас?
— Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

— В долг не дам.
— Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?
— Нет, — огрызнулся Блейк. — Но вы заплатите мне сразу же, как только я ее принесу.
Он отвернулся и зашаркал прочь.
— Придет день, — продолжал Джаспер, — когда этому наступит конец. Должен же когда-то наступить конец, и мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из прежних писателей мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?
— А кто из них, — подхватил Харт, — мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь именно так и произошло. И главное сейчас — это мы, писатели, да еще заводы, где строят для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу... Конечно, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то Земля сегодня сосредоточила свои усилия на производстве беспрерывного потока литературы для межзвездной торговли.
— А началось все это, — сказал Джаспер, — с одной нашей занятой особенности. Казалось бы, невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало уродиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, и мы — единственное исключение.
— Вы судите чересчур сурово, — запротестовала Анджела.
— Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать величайшими из торгашей и обобрали бы всех остальных до нитки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант лжецов мы могли бы использовать тысячами разных способов, и не исключаю, даже сбергли бы в целостности свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, и мы, оказываемся, единственные лжецы на всю Вселенную...
Блейк принес пиво для Анджелы и свиные ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.
— У меня остался еще четвертак, — сказал Харт. — Есть у вас какой-нибудь пирог?
— Яблочный.
— Тащите порцию, плачу авансом.
— Вначале, — не унимался Джаспер, — рассказы передавали из уст в уста. Потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах. Но, разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод. Какой-нибудь иной, лучший путь.
— Я согласился бы на все, — объявил Харт. — На любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.
— Как вы можете! — вознегодовала Анджела. — По-моему, на эту тему шутить и то неприлично. С подобной шуткой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу...
Харт замахал руками.
— Забудем об этом. Извините, брякнул, не подумав.
— Разумеется, литературный экспорт, — продолжал Джаспер, — серьезное доказательство ума человека, а также приспособляемости и находчивости человечества. Ну, не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая от века считалась совершенно индивидуальной. Не сомневайтесь, что рано или поздно сочинительское дело будет и впрямь поставлено на конвейер и литературные фабрики станут дымить в две смены...
— Ну нет, — вмешалась Анджела. — Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества как никакая другая.
— Верно, — согласился Джаспер. — И, признаться, я лично от одиночества ничуть не страдаю.
— Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь! — воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе. — Чего мы, в сущности, добиваемся?
— Делаем людей счастливыми, если, конечно, именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем их развлечением.
— А заодно внушаем высокие идеалы?
— Бывает, что идеалы тоже.

— Это еще не все, — сказал Харт. — Не только обеспечиваем, не только внушаем. Мы ведем самую невинную с виду и самую опасную по существу экспансию за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание Галактики, и я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они, пожалуй, и не могли предвидеть, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсера, но книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.
— Вот именно, это я и хотел сказать! — торжественно вскричал Джаспер. — Ты попал в самую точку. Но если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам сказки о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете, сохранить их человеческую суть, если излагать их мы перепоручаем машинам?
— Но ведь машины-то человеческие, — возразила Анджела.
— Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеды. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения механики достоинство заключается в том, чтобы внести шаблон. А в литературных вопросах шаблон — требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.
Может статья, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне большого греха, поскольку пока не развили в себе ничего, даже отдаленно напоминающего критическую способность. Но мы-то должны видеть! Должны хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и состоит основная беда машин, что они уничтожают в нас эту гордость. Когда-то сочинительство было искусством. Теперь оно больше таковым не является. Книжки выпускаются на машинах, как типовые стулья. Пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки, ни...
Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая Рубаха, а за его плечами, дьявольски усмекаясь, сгрудилась вся команда кафиан.
Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, прищелец похлопал его увесистой дланью по плечу.
— Ты меня помнишь, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.
— Конечно, — ответил Харт, поперхнувшись. — Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.
Зеленая Рубаха произнес с заученной правильностью:
— Счастливы быть знаком, уверю вас.
— Присаживайтесь, — пригласил Джаспер.
— Очень рад, — сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.
Один из кафиан с пулеметной скоростью прострелял что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара на улицу.
— Он быть обеспокоен, — пояснил Зеленая Рубаха. — Мы замедлять — как это сказать, — мы задерживать корабль. Они без нас улететь отнюдь не могут. Но я указал ему не беспокоиться. Капитан будет рад, что мы замедлять корабль, когда увидит, кого мы привезли. — Он наклонился и похлопал Харта по колену. — Я тебя искать, — сообщил он. — Искать широко и долго.
— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.
— Шут гороховый? — переспросил кафианец, нахмурившись.
— Титул, означающий крайнюю степень уважения, — поспешно заверил Харт.
— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха. — Вы все пишете истории?
— Да. Все трое.
— Но ты писать лучше всех?
— Ну, знаете, — пролепетал Харт, — я бы так не сказал. Видите ли...
— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, тра-та-та-та?
— Н-да. Виноват, действительно приходится. Зеленая Рубаха засмутился и произнес извиняющимся тоном:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это было очень смешно. Мы же не знаем, что ты пишешь истории. Когда узнаешь, кто ты, то побегать тебя ловить. Но ты убегаешь и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — поинтересовался Анджела.

Кафианин зычно кликнул Блейка.

— Обслужить, — распорядился он. — Эти люди — мои друзья. Подать им лучшее, что у вас есть.

— Лучшее, что у меня есть, — отозвался Блейк ледяным голосом, — это ирландский виски по доллару за стопку.

— Монет у меня много, — заверил Зеленая Рубаха. — Ты подати то, что я не могу повторить, и ты получишь, что просишь. — Он обернулся к Харту. — Я приготовил тебе новость, мой друг. Мы очень любим писателей, которые умеют писать бах-бах. Мы читаем их всегда-всегда. Получаем большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулась, удивленный, и его кустистые брови соприкоснулись.

— Это он от счастья, — поторопился разъяснить Харт. — Он обожает ирландский виски.

— Прекрасно, — заявил Зеленая Рубаха, просияв. — Вы пьете, что пожелаете. Я платю монету. Это — как это сказать — за мной. — Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: — Подать сюда сосуд целиком.

— Сосуд?

— Он имеет в виду бутылку.

— Это же двадцать долларов! — воскликнул Блейк.

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они вышли виски, и кафианин вновь повернулся к Харту: — Моя новость, что тебе ехать с нами.

— Как ехать? Куда? На корабль?

— На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты будешь очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

— Ну, — промямлил Харт, — я не вполне уверен...

— Ты попытайтесь снять фильм. Хозяин таверны объяснит нам про это. Объяснит, что это против закона. Сказать, что если я подам жалобу, получаются большие неприятности.

— Не ходите с ними, Кемп, — забеспокоилась Анджела. — Не позволяйте этому чудовищу запугать вас. Мы заплатим за вас штраф.

— Мы не подавать жалобу, — кротко вымолвил Зеленая Рубаха. — Мы просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притаил бутылку и с грохотом поставил ее в центр стола. Зеленая Рубаха подхватил бутылку и наполнил стопки до краев.

— Выпить, — предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же наполнил стопки снова. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в пальцах. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения, — уговаривал он себя. — Ну, не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних миров является в бар, как к себе домой, и требует от тебя, чтобы ты отправился вместе с ним! Однако не затевать же драку: невелик расчет, когда на улице поджидает еще целая банда кафиан...»

— Я объяснять тебе все, — произнес Зеленая Рубаха. — Я очень постараюсь объяснить, чтобы ты... чтобы ты...

— Осмыслил, — подсказал Джаспер Хансен.

— Спасибо, человек по имени Хансен. Чтобы ты осмыслил. Мы покупать истории совсем недавно. Многие другие расы покупают их давно, но для нас это ново и очень удивительно. Это выводит нас — как это сказать — из самих себя. Мы покупаем много вещей с разных звезд, полезных вещей, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления о великих подвигах, мысли о великих материях. — Он еще раз наполнил стопки по кругу и осведомился: — Все трое осмыслили? А теперь, — добавил он, когда они кивнули, — теперь давай идем...

Харт медленно встал.

— Кемп, не ходите! — вскрикнула Анджела.

— Ты закрой рот, — распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и очутился на улице. Остальные кафиане мгновенно высypали из темных переулков и окружили его со всех сторон.

— Давай нажимать! — радостно поторапливал Зеленая Рубаха. — Наши соплеменники даже ничего не догадываются, кто с нами будет прилетать.

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы.

— Нет, не могу, — провозгласил он.

— Что не могу? — осведомился кафианин, подталкивая его сзади.

— Я позволил вам думать, — сказал Харт, — что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно. Я не тот, кто вам нужен.

— Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погони и выстрелы?

— Конечно, да. Но мои погони — не самого высшего сорта. Не те, от которых никак нельзя оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

— Такого нам и надо, — ответил Зеленая Рубаха. — Можешь ты указать, где его найти?

— Это просто. Он сидел с нами за одним столом. Тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

— Ты про человека по имени Хансен?

— Про него, именно про него.

— Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

— Много лучше, чем я. Он по этой части гений. Зеленая Рубаха преисполнился благодарности. В знак своего чрезвычайного расположения он пригнул Харту к себе и крепко обнял.

— Ты честный, — говорил он. — Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из окна высунулся кто-то всклокоченный.

— Если вы немедленно не разойдетесь по домам, — завопил он, — я позову полицию.

— Значит, мы нарушить мир, — вздохнул Зеленая Рубаха. — Что за странные у вас законы! — Окно с шумом затворилось. Кафианин дружелюбно возложил руку Харту на плечо. — Мы обожатели погонь и выстрелов, — торжественно произнес он. — Нам нужен высший сорт. Мы объявляем вам спасибо. Мы отыщем человека по имени Хансен.

Он повернулся и поспешил обратно по улице, а за ним вся его команда.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед. Сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось совсем нетрудно, — подумал он, — стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как сам Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за универсальную постоянную. Мы единственные лжецы на всю Вселенную...»

Джасперу его откровения вышли боком, по правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но ведь мальчик сам хотел уехать в отпуск, не так ли? Ну, вот ему и вышла увеселительная прогулочка, одна из тех, какие, право же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда кафианин помянул про выстрелы и погони. Если кто-нибудь когда-нибудь и напращивался на такую шутку, то именно он, Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке, выказывая тем самым высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт, в свою очередь, повернулся и пошел скормым шагом в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой, но не теперь. Это не к спеху, пусть сначала шум, поднятый ими, хоть слегка уляжется.

Уже наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно орудовать ею. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул и дверь открылась.

Сочинитель притаился в углу, блестящий и ухоженный. Полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попробует работать на нем, то либо машину сожжет, либо себя угробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свиного эгоизма.

«Недели две, не меньше», — сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него, — соврать, что Джаспер разрешил ему пользоваться машиной в любое время. Ведь, если он успел составить правильное мнение о кафианах, сам Джаспер вернется не скоро.

Однако так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Он не спеша пересек комнату и пододвинул к себе стул, стоящий перед сочинителем. Сел поудобнее, протянул руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда. Она выпекала кучу материала — добротного материала. У Джаспера не было отбоя от покупателей.

— Милый старик сочинитель, — произнес вслух Харт.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок. Ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, затем включил снова. Опять ничего. Торопливо вскочил на ноги — проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее нельзя было подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна», — утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без тока?

Но это же невозможно. Это попросту немыслимо! Непослушными руками он приподнял боковую панель и усталился внутрь машины.

Внутри царил совершенный хаос. Половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела. Схема во многих местах распалась и висела ключьями. Весь блок реле был густо присыпан пылью. Машина представляла собой на деле груды металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, потянулся назад и натолкнулся на стол. Судорожно схватился за край стола и сжал доску что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя было работать. Не удивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь вызовет его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

Теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную с достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли все те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставалась лишь та же разбитая машина и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, повременит минутку и обернулся. На столе стояла пишущая машинка, заботливо погребенная под кучей бумаг и бумажек, чтобы создавалось впечатление, будто ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Он продавал чуть ли не каждое написанное слово. Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но продавал. Продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панели глянec, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной как щитом от насмешек и ненависти остальных, многоречивых и бездарных, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста, — говорил Джаспер накануне вечером. — Потом записывали от руки, а теперь изготавливают на машинах». И задавал вопрос: что же завтра? Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» — повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих — движущиеся шестерни, умные стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства — просто ради сохранения рассудка — человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе — решения тупиковые. Разрешается уметь до определенной степени — и не больше. Разрешается добираться до заданной точки — и не дальше.

Джаспер понял это. Джаспер нашел выход. Разобрал механического помощника и вернулся вспять, к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно ищет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготовляли ремесленники, изготовляли с любовью, которая делала ее произведением искусства, горделиво не стареющим на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о высоком мастерстве, о гордости не приходится и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости. Она перестала быть искусством и превратилась в предмет потребления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь от этого несоответствия день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место. Потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Окончание следует.

Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА

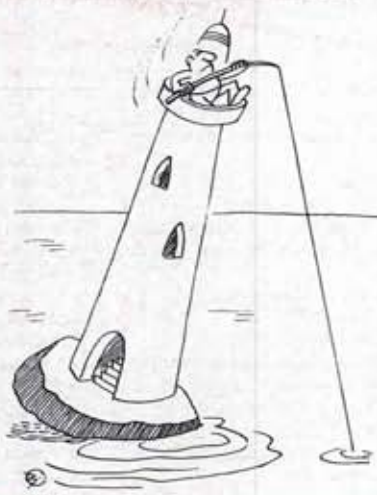

Рисунок Евгения МИЛУТКИ.

Рисунок Александра АННО.

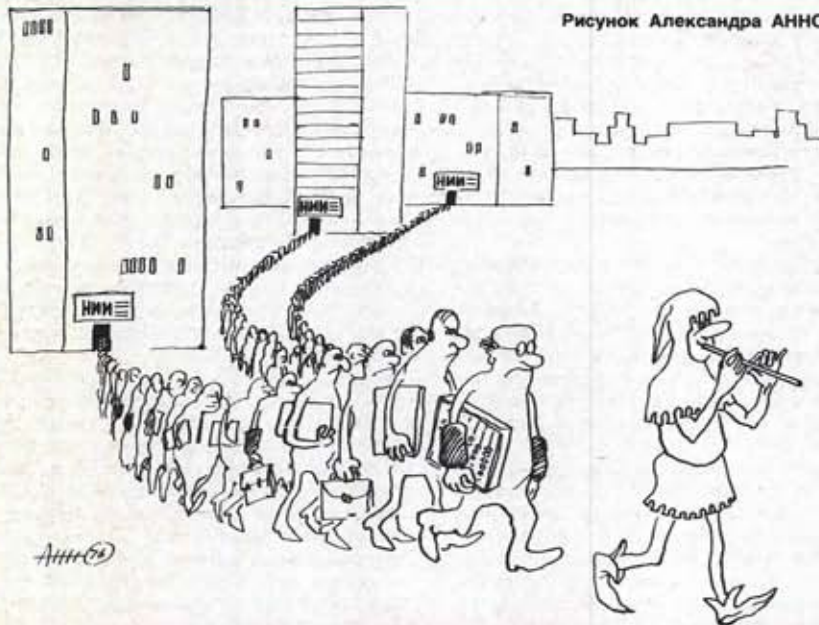
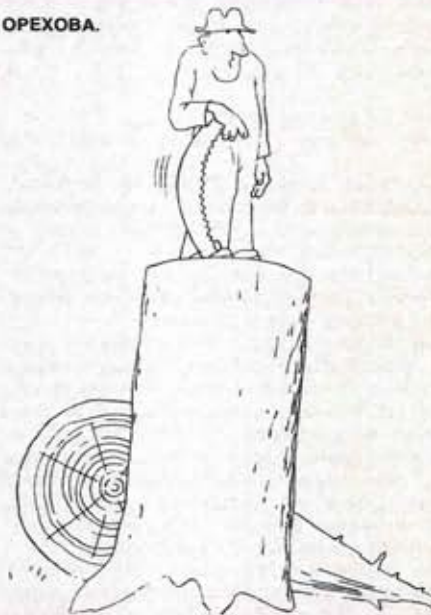

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

НАШ ЛЕТНИЙ КОНКУРС

Предлагаем вниманию читателей «Смены» очередной тур заочного шахматного соревнования, которое мы открыли в предыдущем номере журнала.

Напоминаем, что основные варианты решений, аккуратно приведенные в сокращенной шахматной нотации, следует посылать в адрес редакции на обыкновенной почтовой открытке (без конверта). Решение каждого из трех заданий нужно сообщать отдельным письмом.

Свои ответы на опубликованные ниже позиции отправьте нам, пожалуйста, не позднее 25 августа 1977 года (по почтовому штампу).

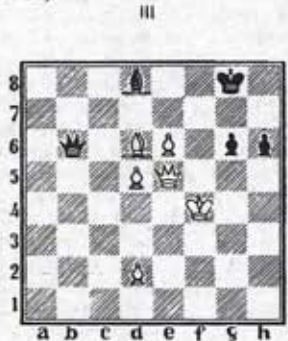
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ

Белые начинают и делают ничью. (5 очков).

Во сколько ходов быстрее всего белые, начиная, дают мат? (6 очков).

Черные начинают и выигрывают. (6 очков).

ПОБЕДА НАШЕГО КВАРТЕТА

Интересный международный командный матч-турнир был проведен в нынешнем году в Тунисе. Кроме «хозяев поля» — шахматистов этой африканской страны, где древняя игра из года в год становится все более популярной, на старт вышли гости — команды Багдада, Рима и советский квартал. Наша сборная, в которой играли московские гроссмейстеры Евгений Васюков и Алексей Сузгин, а также молодые мастера минчан Виктор Купрейчик и Аршак Петросян (однофамилец экс-чемпиона мира) из Еревана, уверенно провела состязание. Она набрала 20,5 очка из 24 возможных, опередив на солидную дистанцию в 9 (!) очков шахматистов Туниса, занявших второе место, и была награждена победным трофеем «Гран-при», установленным мэром тунисской столицы.

О том, с каким подъемом выступали советские шахматисты в этом турнире, свидетельствуют два острых поединка, фрагменты которых мы ниже приводим.

К такому положению пришла после 16-го хода черных партия Васюкова (у него были белые) с итальянцем Пассеротти. Неожиданным пешечным прорывом, основанным на связке одного из неприятельских коней, белые овладевают инициативой и добиваются ослабления позиции черных.

17. f4—f5! Kc6—e5 18. Ke4:d6 Ce7:d6 19. f5:g6 Ke5:f3+ 20. Фg3:f3 h7:g6 21. h2—h3 f6—f5.

А теперь смелой жертвой качества (ладья за слона) Васюков развивает наступление. Его соперник ценою пешки пытается наладить оборону, но удачи это не приносит.

22. Ld1:d6! Фc7:d6 23. Лf1—d1 Фd6—c7 24. Ce3—f4 Фc7—b6+ 25. Kpg1—h2 e6—e5 26. Cf4:e5 Фb6—e6 27. Фf3—g3 Ла8—e8 28. Ce5—c3! Лев—e7.

Выясняется, что белый слон на поле «e2» неуязвим ввиду угрозы мата.

29. Ld1—d6 f5—f4 30. Фg3—d3 Фе6—f5 31. Ld6:g6+ Kpg8—h7 32. Лg6—g5!, и черные сложили «оружие», ибо они форсированно остаются в ладейно-слоновой окончатости без трех пешек.

Перед вами позиция, возникшая после 14-го хода черных в партии

между игравшим белыми Купрейчиком и итальянцем Коппини. Белорусский мастер централизует коня, а затем, осуществив пешечный прорыв на своем правом фланге, красиво его жертвует.

15. Kf3—d4! Kf5:d4 16. Kb3:d4 g7—g6 17. c2—c3 Kc7—a6 18. f4—f5! e6:f5 19. Kd4:f5! 0—0.

Взятие коня позволило бы белым развернуть неотразимую атаку на короля соперника. Например, 19... g2 20. Ф:f5 Фd7 21. e6! fe 22. Фg6+ Kpd8 23. Лf7 и т. д. Однако запоздалая рокировка не спасает черных, так как они терпят невосполнимый материальный урон.

20. Kf5—h6+ Kpg8—g7 21. Kh6:f7 Фа4—c6 22. фf2—f4 g6—g5 23. Фf4:g5+ Фc6—g6 24. Фg5:g6+ Kpg7:g6 25. Лf1—f6+ Kpg6—g7 26. Ла1—f1 Ка6—c5 27. Лf6—f5! Kc5—e4 28. e5—e6 Ла8—e8 29. Лf5—e5, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 17/VI 1977 г. А 09251. Подписано к печати 30/VI 1977 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1720. Заказ № 743. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47. ГСП, улица «Правды», 24.

Музыкальная партитура для фортепиано, состоящая из нескольких систем нот. Включает мелодическую линию и гармоническое сопровождение.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Слова Леонида КРЕТОВА
Музыка Алексея МАЖУКОВА

В вальсе листопада
Золотится осень...
Девушке и парню
Вместе — тридцать восемь...
Звезд круговорот
Замер в лунном свете.
А любовь идет
Тихо по планете.

Припев:
Разве вы не так любили,
Разве вы не так бродили?
Берегите, не спугните
Первую любовь,
Первую любовь,
Первую любовь!

Не шепчи, валежник,
У каемки сада,—

Даже самых нежных
Слов не трать, не надо.
Подожди, не пой,
Непоседа ветер,
Пусть идет любовь
В обнимку по планете!

Припев.

Поздно или рано
Заискрится проседа,
Утром златотканым
Повторится осень...
Годы, не студите
Их сердечных весен,
Пусть им даже будет
Трижды тридцать восемь!

Припев.

Продолжение музыкальной партитуры, включающее вокальные партии и фортепианное сопровождение.

Кроссворд с 34 пронумерованными клетками для заполнения.

КРОССВОРД

Составил В. КОЖЕЙКИН,
г. Жданов

По горизонтали:

5. Искусство танца. 8. Декоративный ягодный кустарник. 9. Научно-исследовательское учреждение. 11. Судно, имеющее два корпуса. 13. Раздел теории литературы. 15. Предельные очертания железнодорожного состава с грузом. 17. Персонаж романа Д. Дефо «Робинзон Крузо». 19. Ударный музыкальный инструмент. 20. Механический преобразователь частоты в электромашине. 21. Самоуправление. 23. Специалист по составлению чертежей земной поверхности. 27. Итальянский писатель и публицист эпохи Возрождения. 28. Отделка скатерти, одежды. 30. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 32. Процесс соединения космических кораблей. 33. Ивовый кустарник. 34. Русский писатель XIX века.

По вертикали:

1. Лекарственное растение, цветок. 2. Постоянная величина. 3. Искусственное повышение влажности почвы, орошение. 4. Сочетание двух гласных звуков в одном слого. 6. Военнослужазный специального рода войск. 7. Город в Дагестане. 10. Первая женщина-профессор, математик. 12. Вспомогательная историческая дисциплина. 14. Горная система в Азии. 16. Размах колебания маятника. 17. Гидротехническое сооружение. 18. Южное вечнозеленое дерево. 22. Комедийное музыкально-сценическое произведение. 24. Ручательство, условие, обеспечивающее успех. 25. Персонаж комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 26. Город в Ростовской области. 29. Специалист в сельском хозяйстве. 30. Областной центр в РСФСР.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 14**

По горизонтали:

4. Собинов. 7. Сизоворонка. 8. Колокольчик. 13. Морошка. 14. Пифагор. 19. Миронов. 20. Колибри. 21. Мотобол. 22. Холодильник. 23. Амбулатория. 25. Экватор. 26. Казачок. 27. Ротатор. 30. Мичиган. 31. Лабинск. 34. Стерлитамак. 35. Александрит. 36. Полотно.

По вертикали:

1. Колонок. 2. Силосование. 3. «Соловьи». 5. Литовка. 6. Актиний. 9. Боронование. 10. Подосиновик. 11. Лаборатория. 12. Волоколамск. 15. Сирокко. 16. Комитас. 17. Тромбон. 18. Солидол. 24. Катализатор. 28. Дактиль. 29. Малахит. 32. «Трактор». 33. Сардина.

НЕМАНСКАЯ НИТЬ

ДЕКОРАТИВНЫЕ БУТЫЛКИ «ГУТА» ХУДОЖНИКА ВЛАДИМИРА МУРАХВЕРА.

Начало на 20-й стр.

— У каждого человека есть внутреннее зрение, то есть способность представлять какой-то предмет мысленно. Вот я задумал сделать какое-то новое изделие. Я не стремлюсь сразу же перенести на бумагу его форму, а пытаюсь представить ее в разных вариантах. Продумываю цвет, пластику, размеры, переберу десятки вариантов, пока перед глазами не предстанет именно тот, который больше всего меня удовлетворяет. Ну, а дальше уже, как говорится, дело техники. Прихожу в гуту и начинаю лепить.

Часами сидел я в гуте (так по-старинному называется цех, где в печах варится стекло) напротив столка Анатолия, наблюдая за его работой и пытаюсь уловить момент творчества, миг рождения произведения искусства...

Вот Анатолий подходит к окошечку печи, где, словно в домне, вспыхивают красно-желтые молнии—это кипит раскаленная до температуры 1200—1400 градусов стекломасса. В руках у него тонкая металлическая трубка. Он опускает один ее конец в ванну, медленно поворачивает, нанизывая на кончик тягучую и липкую, словно мед, массу стекла. Чтобы она не сползла на верстак, ладони непрерывно вращают трубку. Анатолий закатывает наборку, поддувает ртом и снова закатывает. Пока это еще только заготовка, или «гладье», как говорят стеклодувы, и только он, мастер, один знает, какие очертания она примет и в какое изделие превратится.

Анатолий легко касается трубки губами, чуть раздувает щеки, и я вижу, как строптивый комок стекла превращается в блестящий прозрачный пузырь, потом начинает менять свою форму, становясь то причудливым сосудом, то неким полуфантастическим животным.

Поначалу подумалось: возмись любой—получится точно так же. А Анатолий, словно угадав мою мысль, набрал каплю стекла на трубку, протянул ее мне—пробуй. Взял трубку, чувствую, не слушается меня стекло, не успел к губам поднести, чтобы подуть,—оно вязкой, бесформенной массой шлепнулось на верстак. Вот и все занятие. Понял я: обманчивая эта простота и легкость, с которой у Анатолия

«АРХИТЕКТОНИКА» — НАБОР РАБОТЫ МОЛОДОЙ ХУДОЖНИЦЫ ТАТЬЯНЫ МАЛЫШЕВОЙ.

КОМПЛЕКТЫ АНАТОЛИЯ ФЕДОРКОВА «ДАЧНЫЙ», «ЦВЕТЫ» И «КУПОЛА».

ВЫСТАВОЧНЫЙ НАБОР «БОГАТЫРИ».

получаются его изделия, таит в себе прежде всего навык и многолетний опыт. Однако ж и обладая только этими двумя достоинствами, творцом красоты не станешь. Нужно еще, чтобы они сомкнулись с первородным художественным вкусом, с тем самым «божьем даром», без которого нет искусства.

И чем дольше наблюдаешь, как работает Федорков, тем понятнее становится фраза австрийского поэта Рильке: «Почти все вещи ждут прикосновения»,—написав которую поэт имел в виду не просто работу рук человека, а его дарование, мастерство, частицу характера и души.

Стекло, создаваемое Федорковым, сочно, насыщено цветом, декоративно. Он тяготеет к простым, не вычурным формам, часто применяет спокойную и благородную, чуть охлажденную гамму серых и голубоватых оттенков, оживляемых искрами серебристых нитей. Они-то, эти искры, такие непричужденные и естественные в декоре, ни на миг не теряющие трепета жизни, наверное, и покорили японцев—посетителей выставки «ЭКСПО-70», где было представлено настенное блюдо Федоркова, украшенное «неманской нитью». Японцы, тонко чувствующие сдержанную красоту природы своей страны, ее камерные краски, по достоинству оценили произведение советского мастера, выразив желание приобрести блюдо для своего музея.

Каждый художник стремится в своем творчестве быть непохожим на другого. Произведения Анатолия Федоркова имеют в этом смысле сугубо индивидуальный характер, ибо мастер, их создающий, идет своим путем, ищет, иногда мучительно и долго, новые художественные формы, новые приемы воплощения в стекле придуманных им же образов. Его уникальное мастерство отмечено высшим в советском стеклоделии званием—«мастер-художник».

Взглянут люди на творения Анатолия Федоркова, украшенные «неманской нитью», на торжественной красоте вазы, в которых всеми цветами радуги играет и искрится солнце, и светлее станет на душе оттого, что живет на белорусской земле человек, отдающий свой талант и мастерство «не камням дорогим, не злату, но стеклу!»

